


A.D.
1907
ДОМАШНЯЯ БИБЛІОТЕКА Г.В.ЮДИНА


THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

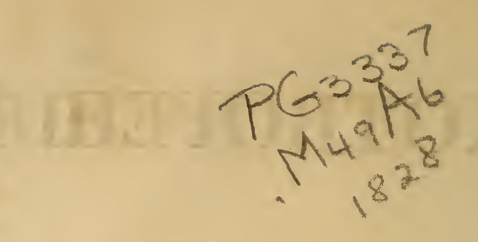
СТИХОТВОРЕНІЯ

Павла Межакова.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФІИ МЕДИЦИНСКАГО ДЕПАРТАМЕНТА
МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.

1828.



ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, представлены были въ Главный Цензурный Комитетъ семь экземпляровъ сей книги для препровожденія куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній С. Петербургъ. Генваря 18 дня 1828 года.

Цензоръ Василій Семеновъ.

ЭЛЕГІИ.

БЕЗСМЕРТІЕ.

Давно ли вы зеленью взоры плѣняли,
Безкровные нынѣ, пустые лѣса?
Давно ли долины цвѣтами блистали?
Кудаже сокрылася ваша краса?
И гдѣ ароматы, что всюду курились
Предъ солнца восходомъ, отъ юныхъ цвѣтовъ?
За чѣмъ вы умолкли, куда удалились?
Вы птички—веселые гости лѣсовъ!

Унылые вѣтры, въ шумящихъ порывахъ,
Изсохшіе листья долиной несутъ.
Не долго красуются класы на нивахъ;
Не долго и смертные въ мірѣ цвѣтутъ!
Безмолвное время, въ ужасномъ полетѣ,
Къ намъ зиму и старость несетъ на крылахъ.
Весны сынъ любимый, увянетъ во цвѣтѣ;
И гордый сынъ праха, простреться во прахъ!

Возплачтежъ вы, бренность свою представляя,
Вы, коихъ всѣ мысли къ землѣ тяготятъ!
Великія души, за гробъ улетая,
На бѣдствія жизни съ улыбкою зрятъ.
Или не украсится лугъ сей цвѣтами?
На вѣчно ли солнце на западъ спѣшитъ?
Нѣтъ, скоро востокъ воспылаетъ огнями;
И скоро весна снова лугъ оживитъ!

О! ежели промыслъ, цвѣтамъ обновленье
Назначилъ; такъ мнѣ ли надеждъ не имѣть?
Ужель обреченный на вѣчное тлѣнье,
Единый я долженъ со всѣмъ умереть?
Угроза ничтожества пусть удалится!
Къ небесной обители нѣтъ ей слѣда.
Тамъ въ радостномъ цвѣтѣ мой духъ обновится;
И тамъ возсіяетъ безсмертья звѣзда!

~~~~~~~~
~~~~~~~~

МОИМЪ ДЕРЕВЬЯМЪ.

Встаютъ кругомъ густыя тучи;
Гроза отъ сѣвера шумитъ,
Шатаетъ, клонитъ лѣсъ дремучій,
И обрывая листъ летучій,
Далеко по полю крушитъ.

Развѣяны густыя сѣни,
Пріютъ любимый соловья;

Гдѣ въ знойный день, въ прохладной тѣни,
Предавшись сладострастной лѣни,
Ему внималъ съ восторгомъ я.

Все видъ унылый и опальный,
Являетъ здѣсь моимъ очамъ.
И самъ я пасмурный, печальный,
Готовлюсь въ путь пуститься дальній
Къ роскошнымъ Невскимъ берегамъ.

Но неужель на долго съ вами,
Мои деревья, разлучусь?
Едва Зефиръ махнетъ крылами,
Простясь со скучными стѣнами,
Я къ вамъ не медля возвращусь.

Зимой—невольный града житель;
Но лѣсъ лишъ станетъ оживать,

И неизмѣнный вашъ любитель,
Я уклонюсь въ свою обитель,
Подъ вашей тѣнью отдыхать.

Деревья возрощенны мною,
Примите дружески меня!
Я васъ садилъ своей рукою;
Васъ лиры тихою струною,
Хочу теперь прославить я.

О если страсти обольщенье
Пѣть нѣкогда мой голосъ могъ;
Оставлю ли тебя въ забвеньѣ,
Тебя, мое уединенье,
Земли любезный уголокъ!

Не здѣсь ли отъ мірскихъ волненій
Я пристань тихую сыскалъ?

И удалясь отъ огорченій,
Среди небесныхъ вдохновеній
Часы крылашы провождалъ?

Здѣсь въ дѣшсшвѣ съ радосшію чисшой
Гонялся я за мошылькомъ,
Кошорый, съ лиліи душисшой
Въ шиповникъ пряшался иглисшой,
И укрывался подъ лисшкомъ.

Когдажъ рукою неизбѣжной,
Сашурна злаго измѣнюсь,
О! пусшь по жизни безмяшежной,
Подъ вашей сѣнію надежной,
На посохъ сшарческій склонюсь!

Но кшо знашь можешъ, суждено ли
Мнѣ хладной сшаросши дожишь?

Увы! въ плачевной сей юдоли,
Не знавъ предписанной намъ доли,
Должны мы въ мрачный гробъ ступить!

Ахъ! можетъ быть, какъ съ новой силой,
Весной начнете зеленѣть;
Вокругъ завоетъ вѣтръ унылой,
И вы—надъ свѣжею могилой
Моею будете шумѣть!

БЕЗСОННИЦА.

Полночь пробило!
Тихо кругомъ.
Все опочило
Сладостнымъ сномъ.
Сна для чего-же
Не нахожу?
Жесткое ложе
Кинувъ, брожу;
Вѣтеръ летящій
Въ листьяхъ шумитъ,

Груди горящей
Онъ не свѣжитъ,
Только волненье
Множитъ въ крови.
Тяжко мученье
Тайной любви!

Гдѣ ты, о Лила
Другъ мой, теперь?
Ты затворила
Скромную дверь,
Ты почиваешъ
Прелесть очей!
Ахъ! ты не знаешъ
Горькихъ ночей!
Тихъ въ полуночи
Дѣвственный сонъ;
Свѣтлые очи
Смѣжаетъ онъ,

Тихо къ зголовью
Сходитъ мѣчта,
Чистой любовью
Дышутъ уста,
Жарки ланиты
Жмутъ жаркій пухъ,
Кудри развиты
Вьются вокругъ,
Вѣтеръ игривымъ
Легкимъ крыломъ,
То надъ счастливымъ
Вѣетъ челомъ,
То груди полной
Тонкій покровъ
Струитъ какъ волны,
Сдунутъ готовъ!

Сонъ утѣшитель!
Лилу лелѣй!

Въ мирну обитель
Милой моей
Грезы слетайте!
И въ легкомъ снѣ
Напоминайте —
Ей — обо мнѣ!

~~~~~~~~~~~~
~~~~~~~~~~~~

ПУСТЫНЯ.

Не рѣдко вечеромъ, при солнечномъ закатѣ,
Нося въ душѣ своей сокрытую печаль,
Сажусь подъ древній дубъ, крутой горы на скатѣ,
И взоры томные я простираю въ даль!

Здѣсь мутный токъ шумитъ, умноженный отъ бури,
И пѣнная на немъ волнуется бразда;
Тамъ дремлетъ озеро — и тихихъ водъ въ лазури
Блистая свѣтится вечерняя звѣзда.

Вершины дальнихъ горъ, увѣнчанныхъ елями,
Зари послѣдній лучь злашишъ еще слегка;
И полная луна съ сребрисшыми лучами
Всшаешъ—и кашишся сквозь шонки облака.

Отъ колокольни шамъ высокой и сшаринной,
Прошяжный, шомный звонъ разносишся вокругъ;
Прохожій слушаешъ—и колоколъ пусшынный
Съ послѣднимъ звукомъ дня, свой смѣшиваешъ звукъ.

Пріяшныхъ видовъ сихъ холоднокровный зришель,
Я прелесшей не зрю природы въ красошахъ;
Скишаюсь по землѣ, какъ чуждый посѣшишель,
Какъ призракъ жалобный, холмовъ окресшныхъ сшрахъ.

Напрасно мыслію сшремлюсь въ сшрану далёку,
И весь обширный сей я пробѣгаю свѣшъ,
Отъ юга къ сѣверу, отъ запада къ восшоку,
Напрасно!—счасшіе ни гдѣ меня не ждешъ!

О вы, любезныя мнѣ сельскія картины!
Что измѣнило васъ? гдѣ ваша красота?
Поля, холмы, ручей, прелестныя долины!
Одной не стало здѣсь—и всюду пустота!

Взойдетъ свѣтило дня, и сядетъ въ лѣсъ дремучій,
Что нужды?—все равно для сердца моего
Лазурь на западѣ, или густыя тучи:
Мнѣ солнце новое не скажетъ ни чего.

И еслибъ могъ ему сопутствовать въ полетѣ,
Вездѣ увидѣлъ бы пустыни лишь однѣ;
Ни что меня не льститъ во всемъ пространномъ свѣтѣ,
Во всей подсолнечной, ни что не нужно мнѣ.

Но можетъ быть, его теченья за предѣломъ,
Гдѣ солнце новое на новыхъ небесахъ;
Когда бы не былъ я къ землѣ прикованъ тѣломъ,
Узрѣлъ бы въявѣ то, что видѣлъ лишь въ мечтахъ!

Тамъ я нашелъ бы вновь любовь и упованье,
И тотъ душевныхъ думъ таинственный предметъ,
Къ которому влечетъ невольное желанье,
Которому еще названья въ мірѣ нѣтъ.

За чѣмъ же не могу парить къ тебѣ по волѣ,
Невѣдомая цѣль желаній всѣхъ моихъ?
За чѣмъ же остаюсь въ плачевной сей юдолѣ?
Когда я отчужденъ всѣхъ радостей земныхъ!

Падетъ изсохшій листъ, съ древесныя вершины;
Вечерній дунетъ вѣтръ, и мчитъ его въ поля.
И я отверженный, какъ листъ среди долины;
О вѣтры бурные, умчите и меня!

~~~~~~~~~~~~
~~~~~~~~~~~~

ПЕРЕОДѢТАЯ КРАСАВИЦА.

Спѣши, прелестная! покинь
Уборъ красавицы привычный,
И трепетной рукой накинь
Нарядъ, для старости приличный!
Румяныхъ щечекъ красоту
Сокрой подъ шапочкой старинной,
И юныхъ персей полноту
Завѣсь отъ глазъ фатою длинной.
(Такъ попечительной рукой,
Предвидя ранніе морозы,

Поклонникъ Флоры молодой
Соломой покрываешь розы.)
Когда настанетъ тишина,
Ты тихо по крыльцу крутому
Сойди на улицу одна—
Я буду ждать тебя у дому.
Движенья пылкіе сокрой
Твоей любви нетерпѣливой;
Иди мѣдлительной стопой,
Походкой старости лѣнивой.
Еще минута—чувствъ своихъ
Ужели скрыть ты не умѣешь?
Минута, Другъ!—и ты въ моихъ
Объятіяхъ помолодѣешь!
При мысли сей, твоя рука
Мою тихонько пожимаетъ;
И вспыхнула огнемъ щека;
И вздохъ изъ груди вылетаетъ;
Въ твоихъ потупленныхъ очахъ
Пылаетъ пламень сладострастья;

На влажныхъ, пурпурныхъ устахъ,
Явилася улыбка счастья;
И старости покровъ простой,
Какъ бы съ невольнымъ изумленьемъ,
Еще волнуется — волненьемъ
Вздымаясь груди молодой!

~~~~~~~~~~
~~~~~~~~~~

ВОЗВРАЩЕНІЕ НА РОДИНУ.

О радость! лечу на знакомый лужокъ.
Вотъ холмы, долины родные!
Найду-ли любимый, душистый цвѣтокъ,
Чтобъ въ локоны вплесть золотые?

„Ахъ! сѣверъ суровый морозы нагналъ —
„И цвѣтъ ароматный давно ужъ завялъ!

Но гдѣ-же кристальныя воды ручья,
Что тихо лужкомъ извивался?

Какъ часто, съ прекрасной обнявшися я
Журчаньемъ его наслаждался?

„Ахъ! зной нестерпимый долины палилъ—
„И ключь благотворный совсѣмъ изсушилъ!

Гдѣ роща? гдѣ съ милой въ прохладной тѣни,
Безпѣчно резвясь мы играли;
И думали часто, мы въ мірѣ одни,
И вмѣстѣ весь міръ забывали?

„Ахъ! жадность явилась съ губящей рукой—
„И роща легла подъ секирой стальной!

О дѣва прелестная! гдѣ же и ты?
То сердце, тебя что любило,
Божественный образъ твоей красоты
Все вѣрное, въ тайнѣ хранило.

„Ахъ! быстро безмолвное время прошло—
„Завяло прекрасное дѣвы чело!

ЭЛЕГІЯ

изъ Проперція.

Возможно ли любить и въ скучныхъ жить стѣнахъ?
Любовь и боги всѣ теперь у насъ въ поляхъ,
Олимпъ весь опустѣлъ; и важная Юнона,
Сошла къ намъ отдохнуть отъ гордой скуки трона;
И въ храмахъ вѣрные сжигая ѳиміамъ,
Мольбы напрасныя возносятъ къ небесамъ.
Амуръ сталъ пастушкомъ, пастушкою Венера;
Все дышетъ страстію—вездѣ теперь Цитера.
Привѣтствую тебя, прелестная весна!

Какою сладостью природа вся полна!
Въ долинахъ, въ рощицахъ, все любитъ, все живится;
И небо кажется, съ землею вновь дружится.
Но хладный Аквилонъ еще шумитъ въ листахъ;
Амуръ дрожитъ еще, и прячется въ кустахъ;
И нѣжные цвѣты свои ясминъ скрывая,
Не смѣетъ развернуть, веснѣ не довѣряя.
О Цинтія! явись—и все начнетъ цвѣсти!
Или препятствія встрѣчаешь на пути?
Иль ты (ужасна мысль) удержана недугомъ?
Но вѣрь, скорбь самая намъ легче вмѣстѣ съ другомъ.
Оставь же Римъ и Тибръ, оставь скорѣе ихъ —
И снова жизнь найдешь въ объятіяхъ моихъ!

Но что я говорю, чего желать я смѣю?
Меня отсутствіе не разлучаетъ съ нею!
Такъ, Цинтія моя, такъ я всегда съ тобой;
Я зрю твой нѣжный взглядъ, я слышу голосъ твой.
О, сколько красотой ты смертныхъ превышаешь!
Скажи, какою быть безсмертною желаешь?

Скажи—свободна ты въ желаніяхъ своихъ! —
Сестрою-ли Харитъ, или царицей ихъ?
Средь поля Нимфою, среди лѣсовъ Дріядой,
Или кристальныхъ струй веселою Наядой?
Когда въ часъ утренній, проснувшись отъ сна,
Румяна и свѣжа ты взглянешь на меня,
Я вижу предъ собой явленіе Авроры;
Все новой прелестью мои плѣняешь взоры,
Все оживляется!.. Нѣтъ смертные, нѣтъ, нѣтъ!
То Цинтія моя, любви моей предметъ—
Не Фебовыхъ огней предвѣстница младая.
О если на нее ты смотришь не сгарая,
Такъ знай, ты сотворенъ во вѣки не любить!
Желаешь ли мой духъ въ восторгѣ погрузить?—
О! дай услышать мнѣ лишь гласъ ея пріятный!
Желаешь обонять ты запахъ ароматный?—
Оставь куренія—и пусть она вздохнетъ!
Ступила... трепещи!—Она сей часъ вспорхнетъ!
Апелломъ должно быть, чтобы ее представить;
И Фебовъ нуженъ даръ ее дерзая славить.

Спѣши прелестная, спѣши скорѣе къ намъ;
Красы желанныя отдай моимъ устамъ!
Ахъ! будемъ вѣкъ любить! любить безмѣрно, страстно!
Пусть узы нашихъ чувствъ стѣсняются всечасно.
Въ восторгахъ сладостныхъ вѣкъ краткій проведемъ,
И оба, отъ любви, въ единый мигъ умремъ!

КЪ ЛИЛѢ.

За чѣмъ же съ нѣжностью такой
Меня ты Лила, обнимала?
За чѣмъ, заботливой рукой
Текущи слезы отирала?
За чѣмъ клялась всегда любить
Такими страшными словами,
И ихъ спѣшила подтвердить
Сама, горящими устами?
Скажи мнѣ, Лила, для чего
Притворство такъ себя терзаетъ?

Ахъ! трудноль обмануть того,
Кто быть обманутымъ желаетъ?

Я вѣрить былъ готовъ всему;
Но ты глаза мои открыла,
И ахъ! не вѣрить ни чему,
Меня, на свѣтѣ, осудила!

Н.** Н.**

НА СМЕРТЬ ДОЧЕРИ.

Здѣсь въ долинѣ мрачной, скорби посвященной,
За стѣной высокой;
Гдѣ объемлетъ душу тайный страхъ священной,
Въ тишинѣ глубокой;

Гдѣ средь камней черныхъ, подлѣ ивы гибкой,
На гробницѣ сидя,
Смерть бросаетъ косу, съ страшною улыбкой,
Жизни вкругъ не видя;

Кто, при лунном свѣтѣ, блѣдном и дрожащем,
Падши на колѣни
Пред крестом гранитным, на холмѣ стоящем,
Ждет любимой тѣни?

Кто вокруг могилы ток ліющи слезный,
Землю орошает;
И с глухим стенаньем, памятник любезный
К персям прижимает?

Нѣжна мать утѣшься! на судьбу пѣняя
Мы судеб не знаем.
В самое то время, как мы здѣсь рыдая
Праху прах вручаем,

Дух ея невинный, в областях эѳирных,
Ангельскія тѣни
Радостно встрѣчают; и при звуках лирных,
Вводят в горни сѣни!

Счастливый младенецъ! ты едва вкусила
Чашу жизни тлѣнной,
И познавъ въ ней горечь, взоръ свой отвратила
Міръ оставя бренной.

Злополученъ смертный, долго жизнь влачившій
Тягостную нашу;
До послѣдней капли, мѣдленно испившій,
Горестную чашу.

ТВЕРДОЕ НАМѢРЕНІЕ.

Темный боръ, потокъ сердитый,
Въ низъ летящій по скаламъ!
Тяжкой горестью убитый
Я иду съ привѣтомъ къ вамъ.
Я сквозь тернъ и лѣсъ дремучій,
Шелъ къ сей дикой сторонѣ;
Мрачный лѣсъ, и тернъ колючій!
Вы оградой будьте мнѣ!
Пусть въ безмолвной сей пустынѣ,
Удалясь отъ всѣхъ суетъ,

Позабуду я отнынѣ
Льстивый и коварный свѣтъ.
Здѣсь насмѣшницъ ухищренья,
Не найдутъ ко мнѣ слѣда;
Здѣсь любови обольщенья
Я отброшу на всегда;
Здѣсь средь ужасовъ природы
Посмѣюсь, красотки, вамъ,
И въ объятіяхъ свободы
Я скажу, прости, мечтамъ.
Полъ обманчивый, лукавый,
Власть твоя уже прошла!
Взоръ Климены величавый,
Прелесть гордаго чела,
Гдѣ съ лилѣей перевиты
Розы въ черныхъ волосахъ,
И румяныя ланиты,
И кораллы на устахъ;
Лилы локоны златые
Разпущенны по плечамъ,

Томны очи голубые
Устремленны къ небесамъ,
Стройный станъ, какъ лоза гибкой,
Все напрасно—не страшусь!
И коварною улыбкой
Рѣзвой Хлоя, не плѣнюсь.
Ты украдкою напрасно
Хлоя, смотришъ на меня,
И подъ дымкою, такъ страстно
Грудь волнуется твоя.
О прелестные призраки!
Вы другимъ готовьте плѣнъ;
Я, какъ мудрый царь Итаки,
Избѣгаю отъ Сиренъ.
Соберу свои всѣ силы,
Чтобъ игрушкой имъ не быть;
Какъ волшебницы ни милы,
Постараюсь ихъ забыть;
И хоть изрѣдка, невольно
Буду вспоминать объ нихъ,

Но готовъ на все.—Довольно !
Тамъ средь тополей густыхъ
Удалюсь подъ мрачны сѣни ,
И предамся весь тоскѣ ! . . .
Но что вижу ! . . . Чьи ступѣни
Тамъ примѣтны на пескѣ ?
Слѣдъ волшебный ножки нѣжной ,
Какъ ты скорбь души разгналъ ?
Какъ ты силой неизбѣжной
Въ мигъ меня очаровалъ ?
Ты жъ, въ пустынѣ неизвѣстной
Свой оставившая слѣдъ !
О помѣдли, другъ прелестной !
Я лечу! препятствій нѣтъ !
Устремляюсь съ новой силой ,
Всюду слѣдомъ за тобой ;
И настигши—„Ангелъ милый ! "
Молвлю медленно: „Постой !
„Дай мнѣ, жадными очами ,
„Надивиться красотамъ ;

„Дай горящими устами,
„Къ алымъ мнѣ прильнуть устамъ!
„Прелесть-Дѣва, не страшися!
„Дай къ груди себя прижать!
„Или съ тѣмъ лишь увернися,
„Чтобъ поймалъ тебя опять!
„Такъ Зефиръ, едва коснется
„Къ розѣ,—гибкой стебелекъ
„Закачаясь, оттолкнется—
„И уклонится цвѣтокъ;
„Но въ минуту, тайной силой
„Роза возвратится вспять,
„Чтобъ любовникъ легкокрылой,
„Могъ ее разцѣловать!“

ВОСПОМИНАНІЕ.

Простерла ночь густой покровъ,
На скромную обитель.
О сонъ! цѣленіе трудовъ,
Печалей утѣшитель!
И вы, прелестныя мечты,
Подруги тихой ночи!
Разсыпте легкіе цвѣты,
На отягченны очи!

Вотъ часъ, въ который обольщалъ
Я Аргусовъ ревнивыхъ;
И Зафну робкую, сжималъ
Въ объятіяхъ счастливыхъ.
Здѣсь къ намъ, на радужныхъ крылахъ,
Толпа утѣхъ слетала,
И милая, въ моихъ рукахъ
Стыдливость оставляла.

Напрасно честь, любви грозитъ
Ярмомъ предразсужденій;
Она въ душѣ не истребитъ
Природныхъ побужденій.
При свѣтѣ страстнаго огня,
Сей призракъ изчезаетъ.
Такъ первый лучь младаго дня,
Паръ тонкій разсѣваетъ!

О время юношескихъ лѣтъ,
Дни сладостныхъ мечтаній!
Вы низпускаете на свѣтъ,
Покровъ очарованій.
Прельщеннымъ взорамъ, сквозь него
Все кажется пріятно....
Иль вы для сердца моего
Погибли невозвратно?

Души, придите изцѣлить
Тоску неизцѣлиму;
И дайте мнѣ еще любить,
Хотя не бывъ любиму!
Увы! и горести любви
Свою имѣютъ сладость;
Когдажъ потухнетъ жаръ въ крови,
Въ душѣ изсякнетъ радость.

ТРИНАДЦАТИ-ЛѢТНЕЙ КРАСАВИЦѢ.

Съ весельемъ прыгая невиннымъ,
Ты пляшешъ посреди Харитъ,
Вѣнкомъ украшена ясминнымъ.
Тебя все тѣшитъ, всѣ живитъ!

О, пусть же милыя Хариты,
Тебя отъ золъ всегда хранятъ;
Пусть нѣжныя твои ланиты,
Всегдашней розою горятъ!

Чтобъ мимо шли печалей тучи,
Не помрачивъ твоихъ очей;
И чтобы вѣчно тернъ колючій
Не уязвилъ ноги твоей!

Съ улыбкой ангельской стремися,
За пестрой бабочкою въ слѣдъ;
Но лютой страсти берегися —
Она раждаетъ много бѣдъ!

Какъ розы легонькій листочикъ,
Оторванный отъ стебелька,
Несется прямо въ ручеечикъ,
Вертясь по волѣ вѣтерка;

Такъ бѣднымъ сердцемъ страсть играетъ,
Влача его въ пучину зла! —
Ахъ! больно, больно уязвляетъ,
Амура острая стрѣла!

ДОЛИНА.

(изъ Ламартина).

Полно мнѣ, плѣнясь мечтаньями
Здѣсь надеждамъ довѣрять;
И напрасными желаньями
Злой судьбинѣ докучать!

Ты жъ долина, гдѣ въ безпечности
Началъ я сей жизни путь,
Дай мнѣ въ ожиданьи вѣчности
Не на долго отдохнуть!

Въ чащѣ дикой, между ивами,
Тропка узкая идетъ,
И знакомыми извивами
Къ бѣдной хижинѣ ведетъ.

Изъ подъ камня вырываяся
Воды чистыя ключемъ,
По песку перебираяся
Обтекли ее кругомъ.

И пройдя предѣлы тѣсные
Милыхъ родины долинъ,
Пропадаютъ неизвѣстные
Посреди морскихъ пучинъ.

Такъ несясь въ предѣлы дальніе
Быстро дни мои прошли.
Безизвѣстные, печальные,
Невозвратно протекли!

Долго я съ сердцами хладными
Сердце все хотѣлъ дѣлить. . .
Дайте мнѣ устами жадными
Токъ забвенья проглотить!

Такъ, теперь въ одномъ забвеніи
Призракъ счастья нахожу,
И въ туманномъ отдаленіи
На прошедшее гляжу.

Здѣсь отъ горести усталое
Сердце успокою вновь;
Все въ немъ умерло бывалое,
Все—Живетъ одна любовь!

Такъ насъ въ смутномъ сновидѣніи
Поражаетъ мысль одна,
И живетъ въ воображеніи
Долго, долго послѣ сна!

УЕДИНЕНІЕ.

Мирнаго крова подъ дружеской сѣнью
Я укрываюсь отъ шумныхъ суетъ;
Вяза густаго любуюся тѣнью;
Токъ моей жизни спокойно течетъ!
Здѣсь лишь, въ невинныхъ природы уставахъ,
Истинны свѣтъ я узрѣлъ наконецъ;
Счастье прямое, не въ шумныхъ забавахъ—
Въ мирѣ безцѣнномъ не злобныхъ сердецъ.

Чуждый опасныхъ, о славѣ, мечтаній,
Счастіемъ жизни не жертвую имъ;
Кругъ моихъ скромныхъ и малыхъ желаній,
Равенъ умѣреннымъ нуждамъ моимъ.
Если, скрывая свѣтъ солнечный мглою,
Грозная туча, наноситъ мнѣ страхъ;
Страхъ мой разсѣется вмѣстѣ съ грозою,
Быстраго вѣтра на легкихъ крылахъ.

Свѣта превратнаго суетный житель
Дни свои въ вѣчныхъ заботахъ влачитъ;
Скрывшись отъ бури въ смиренну обитель,
Съ пристани тихой волненье онъ зритъ.
Такъ устремляясь тамъ съ грозной вершины,
Воды дробятся, крутятся, ревутъ;
Но докатившись до мирной долины,
Тихо лужкомъ, извиваясь, текутъ.

~~~~~~~~~~
~~~~~~~~~~

ГРУСТЬ.

Быстро, быстро пронеслась,
Ты минута восхищений!
И по сердцу разлилась,
Грусть, предвѣстница мученій.
Что-то душу тяготитъ;
Что-то на сердцѣ лежитъ!

Вкругъ повсюду тишина.
Чуть ручей віясь мелькаетъ;

Величавая луна
Тихо, небо протекаетъ.
Что-же душу тяготитъ?
Что-же на сердцѣ лежитъ?

Я ходилъ по бережку,
И бесѣдовалъ съ луною;
Но не могъ развлечь тоску
Овладѣвшую душою.
Грусть все душу тяготитъ;
Грусть все на сердцѣ лежитъ!

Такъ чего же сердцу жаль?
Что жъ терзаетъ духъ унылой? —
Ахъ! ужасная печаль:
Я живу въ разлукѣ съ милой!
Вотъ что душу тяготитъ!
Вотъ что на сердцѣ лежитъ!

ЭЛЕГІЯ

изъ Тибулла.

Пускай другой, гонясь за счастіемъ, за славой,
Среди житейскихъ бурь, среди войны кровавой,
Лишитъ себя на вѣкъ спокойствія и сна.
Заботъ, опасностей такая жизнь полна;
И сладости побѣдъ растворены отравой!
Величіе, души не трогаешъ моей.
Хочу быть зависти и страха удаленнымъ,
И мирно сокрывать подъ кровомъ симъ смиреннымъ
Забавы бѣдности своей.
Въ надеждѣ сладостной пріятнѣйшихъ мечтаній,

Хочу обильность зрѣть, трудовъ прилѣжныхъ плодъ,
Спѣшащую убрать, сей тѣсный огородъ,
Владѣній край моихъ, и край моихъ желаній.
Довольно для меня столь лѣстныхъ ожиданій!
Тамъ я всегда въ трудахъ; то рѣжу виноградъ,
То новымъ деревцомъ свой украшаю садъ;
Вооружась бичемъ, воздѣлывая нивы,
Стараюсь ускорить воловъ шаги лѣнивы;
Люблю въ рукахъ своихъ барашка принести,
Который матерью покинутъ на пути.

Обилія полей я съ первыми дарами,
Всегда являюсь предъ богами.
О боги сельскіе, вы боги дней злашыхъ!
Вамъ первые изъ жертвъ посвящены моихъ!
Палесѣ въ честь млеко всегда я изливаю;
Помонѣ въ даръ несу плоды;
Изъ класовъ кои пожинаю,
Я окончавъ свои труды,
Вѣнокъ со тщаньемъ соплетаю,

И предъ Церерою во храмѣ полагаю.
А вы, блюстители стяжанья моего!
Вы зрѣли некогда обширнѣйшимъ его;
Но други бѣдности со времяни сей траты,
О вы, священные Пенаты!
Бывало нѣкогда отъ стадъ моихъ большихъ,
Телицу тучную я закалалъ предъ вами;
Овенъ украшенный цвѣтами,
Есть нынѣ лучшій даръ, изъ всѣхъ даровъ моихъ.
Я тщательно его хранилъ для васъ однихъ!
Вкругъ жертвы, юноши, съ веселостью умильной,
Предстанутъ, въ пѣніяхъ своихъ
Прося у васъ вина, и жатвы изобильной.
Склоните кроткій слухъ къ усердной пѣсни ихъ,
И не отвергните гласъ простоты смиренной!
Такъ первый даръ богамъ отъ смертныхъ принесенный
Простой былъ глиняный сосудъ.

Я о наслѣдіи отцовскомъ ни жалѣю.
Доволенъ участью своею,

Спокойно я ложусь, дневной свершивши трудъ,
И благотворный сонъ мои смыкаетъ очи.
Какъ мило вечеромъ, вокругъ себя внимать
Чуть чуть шумящій дождь, и тихо засыпать;
Какъ сладки Делія, съ тобою бурны ночи,
Когда порывъ грозы услышавши во снѣ,
Обнявъ меня рукой, прижмешся ты ко мнѣ.
Вотъ все, чего хочу, о благотворны боги!
Пусть скроется богачь въ огромные чертоги
Съ несчетнымъ золотомъ своимъ,
Въ трудахъ безчисленныхъ пріобретеннымъ имъ.
Я бѣденъ, но ни съ кѣмъ на свѣтѣ не сравняюсь;—
Я шумомъ ручейка, и тѣнью восхищаюсь!
Погибни злато все Азійскихъ пышныхъ странъ,
Когда я для него растаться долженъ съ милой,
И видѣть слезный токъ красавицы унылой.
Пусть будетъ лаврами Месалла увѣнчанъ,
Пускай враговъ его, блестящіе доспѣхи
Потомству славные передадутъ успѣхи.
Я съ гордостью ношу оковы красоты.

О Делія! одна владѣешь мною ты!
Все счастье дней моихъ я зрю въ одномъ предметѣ;
Потомство, слава, честь, вы всѣ ничто предъ ней!
Какія почести на свѣтѣ
Равны безвѣстности моей!

Такъ, я пойду съ тобой на холмъ уединенной;
Готовъ на дикой жить скалѣ;
Готовъ препроводить всѣ ночи на землѣ;
Въ объятіяхъ твоихъ забуду о вселенной!
Ахъ! пышность ложа, отъ него
Печали томной не отгонитъ;
Кто въ горести душевной стонетъ,
Убранства нужны ль для того?
Къ чему мнѣ мягкій одръ, когда на немъ страдаю,
Когда въ слезахъ не знаю сна,
Когда невѣрную напрасно призываю,
Которая межъ тѣмъ другому предана.
Какая безъ любви была бы въ жизни сладость?
О Делія! тобой я знаю только радость!

С тобою истинныхъ упившися отрадъ,
Могу ли я алкать призраковъ славы ложныхъ?
Нѣтъ, я за твой единый взглядъ,
Не пожелаю взять всѣхъ почестей возможныхъ.
Пусть встрѣтитъ взоръ послѣдній мой,
Твой взоръ слезою омраченной;
Пусть сей рукою изнуренной,
С твоею встрѣчуся рукой!

Нѣтъ, ты спокойными очами,
Костеръ не будешъ видѣть мой;
Ты оросишъ его слезами,
Восплачешъ вѣрно надо мной.
Восплачешъ Делія!—и юноша прекрасной,
И дѣва нѣжная, предметъ любови страсной
Увидятъ, сколько ты мой уважаешъ прахъ,
И тихо отойдутъ, съ слезою на глазахъ.
Но прелестямъ своимъ не дѣлай оскорбленья;
Власы прекрасные терзать брегися ты,
Брегися нѣжныя окровавить черты;

Ты мнѣ содѣлаешь мученье
Своей коснувшись красоты!

О, поспѣшимъ вкусить дни юности любимой!
У Парки мы неумолимой
Исхитить поспѣшимъ любви и счастья часъ!
Уноситъ время все струей неодержимой;
И смерть ужасная, сокроетъ скоро насъ,
Завѣсой мрачной и незримой.
Ахъ! время не щадитъ ни страсти, ни красы,
Любовь бѣжитъ отъ насъ при старости унылой;
Амуръ игривый, легкокрылый
Не сходитъ опочить на бѣлые власы.
Но власть его, еще я въ сердцѣ ощущаю,
И больше ни о чемъ на свѣтѣ не крушусь;
Равно избытка не желаю
И недостатка не страшусь.

ЛИСТОЧИКЪ.

Часто я скитаюсь
По своимъ полямъ;
Въ думу погружаюсь,
И смотрю, какъ тамъ
Съ ближняго кусточка,
Рѣзвый вѣтерокъ,
Въ воды ручеечка
Унесетъ листокъ.
Бѣдный, по склоненью
Чуждому влекомъ,

Слѣдуя теченью
Поплылъ ручейкомъ.
Часто онъ всплываетъ,
Одолѣвъ волну;
Часто утопаетъ,
Клонится ко дну.
Такъ всегда влекомый
Мчится по волнамъ,
Отъ страны знакомой
Къ новымъ сторонамъ;
То среди веселыхъ,
Бархатныхъ луговъ;
То средь опустѣлыхъ,
Страшныхъ береговъ;
Мчится все — доколѣ
Къ морю доплыветъ;
Тамъ погибъ! — Оттолѣ
Ужъ исхода нѣтъ!
Ахъ! не то ли съ нами?
Такъ увлечены

Мы всегда страстями;
Такъ осуждены
Радости и горе
На пути встрѣчать,
И въ безбрежномъ морѣ
Муки окончать!

~~~~~~~~~~~~
~~~~~~~~~~~~

ПРОЩАНІЕ СЪ ЛЮБОВЬЮ.

Къ чѣму вожделенія сердца младова,
Во мнѣ пробудишь шы сшараешся вновь?
Къ чѣму шы желаешъ, о другъ мой, чшобъ снова
Позналъ я веселье, и нѣжну любовь?

Иль сдѣлай прошедшее время съ возврашомъ!
Сдержи съ быстрошою лешящіе дни;
И лѣшъ моихъ мрачныхъ, съ печальныхъ закашомъ
Зарю золошую опяшь съедини!

Въ мѣстахъ, гдѣ Амуры тѣснятся толпою,
Едва я съ Клименой явился вчера;
Сатурнъ, мою руку взялъ хладной рукою,
И взглядомъ суровымъ сказалъ мнѣ—Пора!

Потщимся къ полѣзнымъ склониться совѣтамъ,
И истиннѣ строгой скорѣй уступить:
Кто мыслитъ и житъ не умѣетъ по лѣтамъ,
Тотъ жизнь осужденъ злополучну влачить!

Довольно нашъ вѣкъ неизвѣстенъ и кратокъ!
Всю рѣзвую юность, шутя посвятимъ
Веселью, забавамъ; — но жизни остатокъ
Хоть малый, разсудку на часть отдадимъ.

Но ахъ! неуже ли навѣки пропали
Любовь, и минувшихъ веселіе дней?
О вы, что доселѣ смѣясь усыпали
Цвѣтами печалный путь жизни моей!

Ужели мы дважды душою терзаться
И смертную муку должны испытать.
Не тяжко, не страшно намъ съ жизнью растаться
А тягостно, страшно любить перестать!

Я такъ, удаляясь отъ всѣхъ заблужденій,
Невольныя слезы о нихъ проливалъ;
И въ сердцѣ, исполненномъ страстныхъ мученій,
Съ любовью прощаясь—любовь призывалъ.

Но дружба, отъ тверди спустилась небесной,
И въ душу цѣлебный бальзамъ пролила.
Ко мнѣ обратилась съ улыбкой прелестной;
И руку простерши съ собою звала.

Пріятностью дружбы я въ тайнѣ плѣнялся,
И тихо, за нею, дрожащей стопой,
Пошелъ! . . . . Но невольно еще сокрушался,
Что слѣдовать долженъ за ней лишь одной!

ОСЕНЬ.

(изъ Ламартина.)

Миръ вамъ, шумящіе безъ зелени лѣса!
Вамъ листья желтые, разсѣянные въ полѣ!
Миръ вамъ осенни дни! унылая краса
Прилична горести, и нравишся мнѣ болѣ.

Иду задумавшись по наклоненью горъ,
Стезей поросшею, въ глуши уединенной;
И къ солнцу устремя печали полный взоръ,
Послѣдній лучь его, ловлю сквозь паръ сгущенной.

Сей разрушенья видъ, сей тусклый, блѣдный свѣтъ,
Всегда пріятенъ мнѣ, всегда пленяетъ снова;
То рѣчь прощальная, то дружескій привѣтъ
Въ устахъ, которы смерть запечатлѣть готова!

Такъ жизни горестной на самый край ступивъ,
Прощаясь на всегда съ несбывшимись мечтами,
Я обращаюся—и счастья не вкусивъ,
Взираю на него завистными очами.

Земля, холмы, лѣса! лишь оставляя васъ
Я чувствую, что міръ и дорогъ и прекрасенъ.
Какъ воздухъ сладостенъ, какъ тихъ вечерній часъ!
Для умирающихъ свѣтъ солнечный такъ ясенъ!

Хотѣлось бы теперь допить ту чашу мнѣ,
Гдѣ съ сладкимъ нектаромъ, желчь горькая мѣшалась.
Быть можетъ, чаши сей скрываяся на днѣ,
И сладкая еще мнѣ капля оставалась;

Быть можетъ будущность, въ таинственной дали,
Минуты счастія еще мнѣ сберегала;
Быть можетъ душу бъ ту я встрѣтилъ на земли,
Которая мою бы душу понимала.

Прощаясь съ жизнію, головку клонитъ цвѣтъ,
Послѣдній запахъ свой Зефирамъ отдавая:
Такъ и душа моя сей оставляетъ свѣтъ,
Еще звукъ жалобный, послѣдній изпуская.

ПОСЛАНІЯ.

ОПРАВДАНІЕ.

Мой Другъ, твои всѣ пѣни,
И обвиненья въ лѣни,
Исправно мнѣ дошли.
Такъ! я живу безпечно!
Но время скоротечно,
И вѣкъ нашъ на земли
Есть мигъ одинъ крылатой.
За что жъ меня бранить?
И времяни утратой
Безвиннаго—винить,

За то, что вѣкъ сей краткой,
Отъ зависти украдкой,
Въ безвѣстности мнѣ сладкой
Стараюсь проводить;
За то, что я не много
И изрѣдка пишу,
Иду своей дорогой,
И въ свѣтъ ученый, строгой,
Явиться не спѣшу?

Дары Фортуны лживы!
Среди наслѣдной нивы
Я отъ нее таюсь;
И прямо признаюсь,
Что дни ведя счастливы
Я болѣе лѣнюсь.
То съ милою женою
И съ крошками рѣзвлюсь;
То кроясь отъ зною,
Подъ липою густою

Усядемся кружкомъ;
Невинныя ихъ рѣчи
Я слушаю тишкомъ;
Иль заступъ взявъ на плечи
Уйду отъ нихъ тайкомъ,
Одинъ, въ лѣсу густомъ,
Бьюсь, мучуся — съ трудомъ
Кусточикъ вырываю;
И съ радостнымъ лицомъ,
Я съ новымъ деревцомъ
Въ свой садикъ поспѣшаю.
Такъ время провождаю
Среди полей своихъ.
Какъ не любить мнѣ ихъ?
Здѣсь все мнѣ представляетъ
Плоды трудовъ моихъ,
Или напоминаетъ
Забавы лѣтъ младыхъ!
Здѣсь время быстролетно
Мелькаетъ не примѣтно,

И дорогъ каждый часъ!
Когдажъ густою тѣнью
Ночь покрывая насъ,
Зоветъ къ отдохновенью;
Тогда оставя садъ,
Всего я больше радъ
Знакомиться съ постелью.
И такъ подумай самъ,
Любезный другъ, стихамъ
Какой я часъ отдамъ? —
Всѣ розданы веселью!

Въ убѣжищѣ своемъ,
Я жизнь щитаю—счастьемъ;
Бездѣйствіе—грѣхомъ;
Трудъ съ пользой—сладострастьемъ;
Свободу—божествомъ;
А пѣніе—забавой.
Пускай другой за славой,
Отъ счастія бѣгомъ

Бѣжитъ; — предъ нимъ заботы!
Богъ не далъ мнѣ охоты
Безсмертія искать.
Безвѣстность съ тишиною,
Привыкъ я всей душою,
Всему предпочитать;
Не славѣ — а покою
Въ часахъ отчетъ давать;
И право не обузу
На плечи думалъ взять,
Осмѣливаясь Музу
Въ свободный часъ ласкать.
Иль свѣту отвѣчать,
За легкія творенья?
Которые всегда,
Начну—безъ принужденья,
Окончу—безъ труда,
И жгу—безъ сожалѣнья,
Когда ихъ судитъ ты
Достойными сожженья!

Мой другъ, не всѣ цвѣты,
Что юную Помону
Весною уберутъ,
Къ ея обильну лону
Плодъ зрѣлый принесутъ,
И осенью, корону
Богини обовьютъ.
Подобно чадамъ Флоры,
Большая часть изъ нихъ,
На краткій только мигъ
Увеселяютъ взоры.
Такъ суждено не всѣмъ
Питомцамъ Аполлона,
Къ вершинамъ Геликона
Дойти крутымъ путемъ.
О чада вдохновенья!
Пусть ваши пѣснопѣнья,
Божественнымъ лучемъ
Безсмертія сіяютъ,
И время побѣждаютъ!

А я доволенъ тѣмъ,
Что пѣніемъ, прекрасной
Тоски не наведу;
И жизни путь опасной
Съ усмѣшкой перейду.

МОЙ ПОРТРЕТЪ.

(Писано 1821 *года.)*

Тебѣ, Темира, въ угожденье
Беру я въ руки карандашъ.
Прелестное изображенье
Твое, прочелъ, воображенье
Воспламенилось—и тудa жъ
Хромая, въ слѣдъ тебѣ пускаюсь,
И какъ умѣю, свой портретъ
Тебѣ я начертить стараюсь.
Послушай же! Мнѣ тридцать лѣтъ,
Но скорбь тяжелою рукою,

Уже мѣшаетъ съ сѣдиною
Моихъ волосъ природный цвѣтъ.
Собою я довольно статенъ,
Хотя не созданъ молодцомъ;
Ни дуренъ, ни хорошъ лицомъ,
Но для иныхъ—бывалъ пріятенъ.
Таковъ на взглядъ я.—А умомъ,
(Къ чему притворствовать съ друзьями)
Я очень простъ!—Но между нами,
Прошу не говорить о томъ,
Ни гдѣ, ни громко, ни тишкомъ;
А то, въ вѣкъ славный, просвѣщенный,
Когда собою восхищенный,
Умомъ своимъ доволенъ всякъ;
Когда ни гдѣ глупцовъ не видно;
Ты согласишься, что обидно
Мнѣ будетъ слышать: „Вотъ дуракъ?"

Я простъ умомъ—душой простѣе;
Меня не трудно разсердить.

Я скоро вспыхну, но скорѣе
Готовъ досаду позабыть.
Обманутъ ложными друзьями,
Я не притворными слезами
Оплакивалъ измѣну ихъ.
Съ такой душой къ чему я годенъ?
Такъ, признаюся самъ, не сроденъ
Для дѣлъ я важныхъ ни какихъ,
И мѣстъ высокихъ не достоинъ;
Могу ли быть судья иль воинъ?
Владѣть вѣсами иль мечемъ?
И для того, боговъ въ совѣтѣ,
Назначено, на бѣломъ свѣтѣ
Мнѣ быть—Поэтомъ иль — — — ничѣмъ!
Покорный всемогущей волѣ,
Я свѣтъ коварный забывалъ,
Взрывалъ наслѣдственное поле,
И пѣснь свободѣ напѣвалъ.
Но ахъ! счастливымъ быть опасно!
И я скрывалъ себя напрасно,

Напрасно дни свои тащилъ
Среди пустыни молчаливой,
И здѣсь взоръ зависти ревнивой
Мое спокойствіе открылъ.
Но полно!—Я судьбѣ гнѣвливой
Враговъ гоненія простилъ.

Мой родъ, хотя не изъ знатнѣйшихъ,
Но я дворянъ россійскихъ сынъ.
Я разумѣю, дворянинъ
Временъ старинныхъ, не новѣйшихъ.
Изъ прадѣдовъ моихъ, одинъ,
Во дни всеобщаго смятенья,
Россіи на свобожденье
Во слѣдъ Пожарскому спѣшилъ,
И славное Москвы спасенье
Своимъ примѣромъ довершилъ.
Другіе жъ, хоть не отличили
Себя дѣяньемъ ни какимъ;
Но съ вѣрой всѣ Царей любили,

И правдою служили имъ.
Сію любовь къ Царю, къ Престолу,
Я съ кровью получилъ отъ нихъ;
Я въ сердцѣ презираю школу
Либералистовъ записныхъ.
Изчезни, грозный возмутитель!
Несчастный разумъ новизны!
Сколь многія уже страны
Постигъ сей Геній истребитель.
На корни общества, на связь
Священную изъ древлѣ міру,
Сей Духъ неистовый, смѣясь,
Заноситъ вольности сѣкиру! — —

Въ привычкахъ я не много страненъ,
И часто черезъ чуръ правдивъ.
Я въ дружбѣ твердъ и постояненъ;
Въ любви, и вѣтренъ и ревнивъ.
Привѣтливъ, простъ, съ людьми простыми,
А съ гордецами самъ спѣсивъ!

Забавенъ, веселъ, говорливъ,
Съ друзьями, съ ближними своими;
Въ толпѣ людей, скучаю ими,
И пасмуренъ, и молчаливъ.
Во всемъ мнѣ въ тягость принужденье,
Ни въ чемъ притворства не терплю,
И тихое уединенье
Всего я болѣе люблю.
Въ своемъ уютномъ кабинетѣ,
О бѣдномъ семъ подлунномъ свѣтѣ,
Люблю со всѣмъ позабывать;
И на крылахъ воображенья,
Паря въ воздушныя селенья,
Тамъ пышны замки созидать.
Но не подумай, чтобъ мечтами
Въ міръ невещественный летя,
Желалъ я обладать странами,
Вертѣть вселенную шутя;
Чтобъ вдругъ поссорившись съ Султаномъ,
Уже ему готовилъ плѣнъ,

И ставъ близъ Византійскихъ стѣнъ
Величественнымъ, грознымъ станомъ,
Пришелъ, узрѣлъ и побѣдилъ;
Чтобы на радости, стаканомъ
Шампанскимъ Муфтія поилъ,
И посмѣявшись надъ Диваномъ
Въ Сераль торжественно вступилъ,
Среди прелестницъ міръ забылъ;
И только иногда арканомъ
Отъ скуки, Визирей дарилъ!
Ахъ нѣтъ! я и въ мечтахъ смирнѣе,
И зла не дѣлалъ ни кому;
Мои желанія скромнѣе,
И ближе къ сердцу моему.
То забывая вьюги бурны,
Не вѣчны вижу я снѣга,
Но небеса всегда лазурны,
Всегда цвѣтущіе луга;
Покрыты жатвою обильной
Ликуютъ мирные поля,

И подъ стопой побѣды сильной
Не стонетъ сирая земля;
Вездѣ невинность съ тишиною,
Намъ воскрешаютъ вѣкъ златой,
И весело ведутъ съ собою
Забавы рѣзвою толпой.
То дружбу вижу благотворну,
Прелестный призракъ юныхъ лѣтъ;
Любовь прямую, непритворну,
Любовь, какой на свѣтѣ нѣтъ;
И искренность чистосердечну,
Подругу истинны святой;
И радость, всюду скоротечну,
Прикованную добротой.
Или счастливые тѣ лѣты
Являются моимъ очамъ,
Когда и рускіе поэты
Не вовсе будутъ чужды намъ;
И какъ красавица младая,
Пѣвца улыбкой награждая,

Стиховъ внимаетъ красотамъ!
Такимъ мое воображенье,
Мнѣ представляетъ свѣтъ въ дали;
Но ахъ! едва коснусь земли...
Все, все мечта и ослѣпленье!
Все призракъ, ложъ и обольщенье!
Чтожъ постоянно въ жизни сей?
Что твердо, вѣрно у людей?
Такъ точно и въ душѣ моей:
По утру мудростью плѣняюсь,
И слѣдовать рѣшаюсь ей;
А днемъ, игралище страстей,
За глупостями устремляюсь,
И къ вечеру раскаяваюсь!

Прими, Темира, мой портретъ!
Конечно къ довершенью сходства
Въ немъ многаго недостаетъ;
Ни странностей, ни сумазбродства,
И словомъ, тьмы пороковъ нѣтъ.

Тѣмъ лучше!— Пусть лукавый свѣтъ
Здѣсь волю дастъ воображенью.
Чертя портретъ сей какъ нибудь,
Я слѣдовалъ души влеченью;
Ты улыбнись изображенью,
И подлинника не забудь!

~~~~~~~~~~
~~~~~~~~~~

КЪ Н.***

Приди, въ обители смиренной
Сокроемся, мой милый другъ!
Забудемъ здѣсь и свѣтъ надменный,
И общества жеманный кругъ;
Гдѣ пыщится богачь презрѣнный,
Не уважающій заслугъ;
Гдѣ принятъ, и злодѣй бездушный,
И славный подлостью гордецъ,
И рабъ его всегда послушный,
Къ уничиженью равнодушный,

Съ готовою улыбкой льстецъ.
Гдѣ умницей слыветъ глупецъ;
Гдѣ весело игрокъ безчестный,
Несчастныхъ учитъ игроковъ;
Гдѣ сѣть разкинувъ, полъ прелестный,
Пріѣзжихъ ловитъ простаковъ;
Гдѣ гордо топаетъ ногою,
Въ дни мирны, шумною молвою
Покрытый славою герой;
И гдѣ съ поникшей головою,
Въ углу сидитъ талантъ прямой.
Ты видѣлъ, свѣта обольщенья,
Не прочность счастья и честей,
И непрестанны заблужденья,
Всегда обманутыхъ людей;
Ты видѣлъ, счастья подъ личиной,
Душевну грусть и суеты;
Величія подъ паутиной,
Всю низость жалкую тщеты;
Подъ видомъ скромной простоты,

Коварство, хитрость и измѣну;
И самъ конечно знаешь ты
Всему, мой другъ, прямую цѣну.

Счастливъ, кто свѣтъ сей позабылъ;
Желанной пользуясь свободой,
Совѣты мудрости вкусилъ,
И наслаждается природой;
Кто заблужденьямъ отслужилъ,
И скрывшись по среди пустыни,
Смѣется тамъ изъ подтишка,
Слѣпаго шалостямъ божка,
И хитростямъ слѣпой богини!

КЪ ДРУГУ.

~~~~~~~~~~

Ты за чѣмъ, мой другъ, оставилъ
Слишкомъ рано мирный кровъ,
Гдѣ ты намъ такъ мило славилъ
Тѣнь прохладную лѣсовъ,
И отъ тихихъ береговъ
Въ шумный городъ путь направилъ?
Или скуку ты нашелъ
Въ семъ убѣжищѣ Поэта?
Иль разсѣянія свѣта
Тихой жизни предпочелъ?
~~~~~~~~~~

Пѣсни радостной свободы
Промѣнялъ на модный свѣтъ,
И веселый пиръ природы
На печальный этикетъ?
Иль какой нибудь Сирены
Всемогущій, нѣжный гласъ
Отозвалъ тебя отъ насъ?
Или ты страшась измѣны
Нашихъ вѣтреныхъ Цирцей,
Полетѣлъ къ нимъ поскорей?
Но за чѣмъ искать тамъ тайны,
Гдѣ о тайнѣ ты не мнилъ?
Вѣрно твой отъѣздъ случайный
Строгій долгъ опредѣлилъ.

Еслибъ съ дѣвою прелестной
Я въ стихахъ сихъ говорилъ;
Я бы силою чудесной,
Въ плачь и трауръ повсемѣстной
Всю природу нарядилъ;

Я бъ ее увѣрилъ смѣло,
Что здѣсь все осиротѣло,
Все заглохло, опустѣло
И что все объ ней груститъ;
Что ручей ужъ не журчитъ,
Что Амуры сиротѣютъ,
Что Зефиры здѣсь не вѣютъ,
Эхо смолкнуло въ горахъ,
Розы вянутъ и блѣднѣютъ,
И что птички пѣть не смѣютъ
Въ страшно воющихъ лѣсахъ!
Но какъ это все похоже
На пустякъ — А пустяковъ
Ты не любишь, и я тоже;
Такъ скажу безъ лишнихъ словъ,
Что безсмѣнное *Веселье*
Нашъ кружокъ всегда живитъ;
Смѣхъ невинный веселитъ
Всюду скучное *Бездѣлье*;
Что не рѣдко при столѣ

Тѣшитъ насъ игрунья *Шутка*,
И морщины на челѣ,
Разправляетъ у *Разсудка*;
Радость рѣзвая, вѣнкомъ
Мудрость строгую вѣнчаетъ;
Мудрость между тѣмъ, тишкомъ
Цѣпью *Радость* обвиваетъ:
А *Забава* гонитъ прочь
Съ *Должностью* однообразной,
Злую *Скуку*, жизни праздной
Не отвязчивую дочь.
Всякой тѣшится по волѣ:
Тотъ съ ружьемъ гуляетъ въ полѣ;
Тотъ на шаткомъ челнокѣ
Разъѣзжаетъ по рѣкѣ,
Съ равнодушіемъ счастливымъ
Правя легкой свой челнокъ,
Ловитъ парусомъ игривымъ
Перелетной вѣтерокъ;
Тотъ поетъ, другой играетъ;

Тотъ задумчиво срываетъ
Для красавицы цвѣтокъ.
Если жъ тьма и холодокъ
Манятъ насъ изъ поля къ дому,
Мы веселію другому
Посвящаемъ время тамъ:
Или избраннымъ Пѣвцамъ
Съ возхищеніемъ внимаемъ;
Или нѣжно повторяемъ
Пѣсни сельскимъ красотамъ.
Несравненнаго Крылова
Басни на изустъ твердимъ,
И опять читаемъ снова —
И опять дивимся имъ;
То Жуковскій, вѣрный житель
Тайныхъ областей небесъ,
Манитъ насъ съ собой, въ обитель
Райскихъ полную чудесъ;
Или Батюшковъ согласной,
Пламень нѣги сладострастной

Какъ волшебникъ, въ душу льетъ,
И умы къ себѣ влечетъ;
Или Пушкинъ своенравный,
Одному себѣ лишъ равный
Мощный властелинъ сердецъ,
Рветъ у всѣхъ изъ рукъ вѣнецъ.
То нашъ Вяземскій веселый,
Врагъ посредственности смѣлый,
Сыплетъ щедро остроты;
Гнѣдичь въ пѣсняхъ возвышенныхъ,
Вновь для насъ холмовъ священныхъ
Открываетъ высоты;
То Давыдова лихова,
Въ полныхъ жизнію стихахъ,
За стаканомъ и въ бояхъ
Видимъ прямо удалова;
Или развернувъ Козлова,
Въ пѣсняхъ милаго пѣвца
Слышимъ стоны Чернеца.
Такъ мы вѣчеръ провождаемъ,

И со всѣмъ не замѣчаемъ,
Что небесные вѣсы
Перешедъ ужь Ѳебъ румяный,
Лика свѣтлаго красы
Прячетъ въ сѣрые туманы;
И дрожащій, блѣдный лучь,
Кажетъ изъ за парныхъ тучь.
Но пускай густѣютъ тучи;
Намъ не страшенъ вѣтръ ревучій,
Намъ и осень не страшна.
Тамъ, гдѣ царствуетъ свобода;
Тамъ всегда цвѣтетъ природа,
Тамъ безсмѣнная весна!

Что холодному невеждѣ
Прелесть дивная небесъ?
Міръ въ торжественной одеждѣ —
Онъ не зритъ его чудесъ.
Для него, тѣнистый лѣсъ —
Изъ вѣтвей сплетенны своды;

Онъ въ прозрачномъ ручейкѣ —
Видитъ льющіеся воды,
И прохладу — въ вѣтеркѣ.
Сынъ любимый вдохновенья,
Такъ-ли чувствуетъ Поэтъ?
Онъ сквозь призмъ воображенья
На прекрасный смотритъ свѣтъ.
Онъ привѣтствуетъ Наяду,
Встрѣтясь съ рѣзвою волной;
Подъ древесною корой,
Слышитъ скрытую Дріяду;
Въ развернувшемся цвѣткѣ
Узнаетъ любимца Флоры;
Слезы нѣжныя Авроры
Видитъ въ капляхъ на листкѣ.
Гибкія-ль качнулись лозы—
То Зефиръ махнулъ крыломъ;
Самъ Амуръ вкругъ юной розы
Здѣсь кружится мотылькомъ.
Но за чѣмъ, мой умъ игривый,

Въ необдуманныхъ стихахъ,
Въ слѣдъ за Музою болтливой
Въ сихъ теряешся мечтахъ?
Вкусъ нашъ, слишкомъ прихотливой,
Строго, древности счастливой
Отвергаетъ чудеса.
О священные лѣса!
О желанная обитель!
Въ васъ другія красоты
Сыщетъ мудрости любитель.
Вашъ невинный, добрый житель,
Сынъ любезной простоты,
Есть единственный хранитель
Древнихъ нравовъ чистоты.
Здѣсь *Покой*, и *Миръ* сердечный,
И прилѣжный, легкій *Трудъ*,
Съ *Истинной* чистосердечной,
Съ *Откровенностью* безпечной,
И съ *Любовію* живутъ;
Здѣсь безвѣстна жажда славы,

Здѣсь невинныя забавы
Прямо къ счастію ведутъ!

Здѣсь и я былъ счастливъ точно.
Но увы! ни что не прочно!
Радость, улетитъ стрѣлой;
Время острою косой
Обнажитъ поля и горы;
Хладъ суровою рукой
Погубилъ убранство Флоры,
И безжалостно грозитъ,
Что прелестнѣйшіе виды,
Какъ волшебный садъ Армиды,
Онъ мгновенно истребитъ.
И тяжелою гурьбою,
Скоро слѣдомъ за тобою
Мы потянемся пѣшкомъ;
И забывъ о красномъ лѣтѣ,
Явимся въ блестящемъ свѣтѣ
Въ вашемъ обществѣ большомъ,

Гдѣ падутая *Кичливость*
Давитъ грузной пустотой;
Гдѣ обманщица *Учтивость*,
Съ хлопотуньей *Суетой*,
И съ зевающею *Скукой*,
Ненавистницей *Утѣхъ*,
Осуждаютъ громкій Смѣхъ.

Я же, другъ мой, больше всѣхъ
Трепещу предъ грозной мукой.
Ахъ, мой другъ! вѣдь я поэтъ!
Сочтитай же ты всѣ страхи
Коими грозитъ мнѣ свѣтъ.
„Вѣрно наши Альманахи
„Вашъ талантъ обогатитъ?"
Мимоходомъ говоритъ
Незнакомый мнѣ пріятель;
Тутъ безвѣстный всѣмъ писатель
Мнѣ посланіемъ грозитъ;
Тамъ безсовѣстный читатель

*

Ужъ трагедію кричитъ;
Жалкихъ новостей издатель
Проситъ жалобно стиховъ;
Будто мало есть творцовъ
Неизмѣнныхъ, плодородныхъ,
Авторовъ прелестныхъ, модныхъ?
Иль здѣсь умныхъ нѣтъ головъ?
Иль желудковъ нѣтъ голодныхъ?

Я, довѣренности полнъ
Ко благому Провидѣнью,
Обнявшись съ безпечной лѣнью,
Моря бурнаго волненью
Поручилъ свой бренный челнъ.
Долго имъ дитя крылатый
Своевольно управлялъ;
Сколько разъ слѣпый вожатый
Близкой гибелью стращалъ;
Долго счастіе играло
Въ распущенныхъ парусахъ,

И изъ края въ край кидало
Чолнъ на пѣнистыхъ волнахъ;
Наконецъ уже терпенье
Взялось дружно за весло,
И счастливое теченье
Насъ въ затишье принесло.
Если здѣсь въ часы досуга,
Я на лирѣ и бряцалъ,
То хотѣлъ лишь тѣшить друга,
А о славѣ не мечталъ;
И конечно дней счастливыхъ
Надъ стихами не гублю.
Я и слушать не люблю
Книгъ чрезъ чуръ многорѣчивыхъ.
Мнѣ не такъ пріятенъ вязъ
Тотъ огромный, величавый,
Что до неба вознося́сь
Зеленью своей кудрявой
Покрываетъ гордо насъ;
Какъ младый переселенецъ,

Сынъ безсменныя весны,
Миртъ, счастливый уроженецъ
Ѳебу милой стороны.
Онъ душистою короной
Покрывается слегка,
И въ главѣ его зеленой
Нѣтъ излишняго листка.

Въ часъ плачевный разтаванья,
Какъ друзей я покидалъ,
Я имъ точно обѣщалъ
Длинные писать посланья;
Но поэтовъ обѣщанья
Кто жъ за правду принималъ?
Нѣтъ, любимцы Аполлона,
Ненавидятъ тяжкихъ узъ;
И какъ клятвы Купидона,
Такъ не вѣрны клятвы Музъ!

КЪ КАТѢ.

Я не терплю, признаться, самъ
Красавицъ мрачныхъ и суровыхъ,
За все прогнѣваться готовыхъ;
Готовыхъ вдругъ, по пустякамъ,
Въ невинной общества свободѣ
Себѣ опасность находить,
Которымъ даже—о погодѣ
Съ мужчиной страшно говорить.
Напрасно добрыя старушки,
Ихъ скромность выхваляютъ намъ,

Стараясь, съ ложью по поламъ,
Дать важный толкъ пустымъ рѣчамъ,
И бѣдъ надѣлать изъ игрушки.
Прельщать насъ дѣло красоты!
И я всѣ тонкости вертушки
О Катя, миленькой—какъ ты,
Прощаю отъ души, какъ средство
Свои побѣды умножать.
Нѣтъ, я не въ силахъ осуждать
Въ прелестныхъ милое кокетство.
Люблю ихъ льстивый разговоръ,
Люблю ихъ хитрыя уловки,
И ихъ сентиментальный вздоръ,
И ихъ вертляныя головки,
И брошенный украдкой взглядъ
И вдругъ коварное смятенье;
Небрежный съ умысломъ нарядъ
И груди робкое волненье.
Все то притворство! — Ну такъ чтожъ?
Притворствомъ этимъ восхищаюсь.

Я чувствую, я вижу ложъ,
И ею тайно увлекаюсь.
О Катя! какъ же ты мила!
Самой Киприды ученица
Ты поясъ у нее взяла.
Какъ своенравная царица,
Ты тѣшишся, я знаю самъ,
Мольбами, вздохами моими;
Не вѣрю я твоимъ словамъ —
Но ахъ! я очарованъ ими!

ОТВѢТЪ Н.***

Ты правъ, любезный мой Поэтъ!
Все измѣняется на свѣтѣ,
И время въ яростномъ полетѣ,
Тягчитъ насъ бременемъ суетъ.
Но неужели счастья цвѣтъ,
Лишъ для младенца разцвѣтаетъ?
Ужели зрѣлый умъ не знаетъ
Отрады ни какой? — Ахъ нѣтъ!
Повѣрь ты мнѣ, во всякихъ лѣтахъ
Мы можемъ счастье находить,

Но не всегда въ однихъ предметахъ!
Не будутъ старца веселить,
Младенчества его забавы;
Богатства, почестей и славы,
Дитя за куклу не возметъ.
И вотъ игрушки зрѣлыхъ лѣтъ!
Пусть только наше наслажденье
Не служитъ горестью другимъ;
Тогда и смерти приближенье
Съ лицемъ спокойнымъ мы узримъ.
Счастливъ, кто ищетъ утѣшеній
Въ жару Парнасскихъ вдохновеній,
Изящнымъ въ слѣдъ идя пѣвцамъ!
Онъ чуждъ земныхъ всѣхъ огорченій,
Паря душою къ небесамъ!
И ты ли, будешъ бремя скуки,
И горести сей жизни знать,
Рожденный сладостные звуки,
Изъ нѣжной лиры извлекать?

ПРОСТИ!

Прости, любезная подруга!
Я скоро разлучусь съ тобой.
Съ прискорбьемъ оторвусь, отъ круга
Безцѣннаго, семьи родной;
Покину уголокъ укромный
Гдѣ всюду находилъ любовь,
И появлюсь въ столицѣ вновь,
Одинъ, какъ сирота бездомный.
Но чтобъ всемощная судьба
Не изрекла мнѣ — я послушно

Пойду за нею равнодушно.
Безумна тщетная борьба
Передъ судьбиною всевластной;
И ропотъ нашъ смѣшонъ напрасной!
Нашъ долгъ — себѣ не измѣнить,
И въ мирѣ быть съ собою всюду.
Повѣрте мнѣ, друзья! я буду
Всегда какъ прежде, васъ любить;
Все буду, человѣкъ безпечный,
Небрежный буду все пѣвецъ,
Все буду другъ чистосердечный,
И нѣжный для дѣтей отецъ;
Врагъ записной коварной лѣсти,
Всегда пребуду вѣренъ чести
И всемъ ей жертвовать готовъ;
Не постигая чувства мщенья,
Все буду помнить одолженья,
И забывать своихъ враговъ;
Все буду мыслить откровенно,
И лишъ дурныхъ страшиться дѣлъ;

Какимъ въ путь жизни я пошелъ
Такимъ пребуду неизмѣнно,
О други! до конца пути,
Пока, на вѣчную разлуку,
Въ послѣдній разъ пожавъ вамъ руку,
Скажу послѣднее—Прости!

МОЙ УДѢЛЪ.

(Писано 1818 года.)

Служить ! — избави Боже !
Извѣстно самому
Тебѣ, что я къ тому
Негоденъ; такъ на что же
Пустое затѣвать ?
Служить ! легко сказать !
Нѣтъ, мнѣ въ судейской кожѣ
И дня пе прогулять.
То взятки надо брать ,
То кланяться вельможѣ ,

То правду продавать
Тому, кто дасть дороже;
Невинныхъ осуждать,
Оправить виноватыхъ;
Всегда щадить богатыхъ,
И бѣдныхъ утнетать;
Въ интригахъ пресмыкаться,
И дѣломъ лишь слегка,
Отъ скуки заниматься;
А вздумай попытаться,
Хотя изъ далека
По совѣсти приняться. . .
Всѣ въ запуски озлятся,
Дадутъ такой трезвонъ,
Что будешь радъ убраться
Хотя калекой вонъ;
Такъ лучше не соваться!

Иль думаешь, что мнѣ
Прилично въ сѣдинѣ

Вдругъ сдѣлаться героемъ?
Все счастье зрѣть въ войнѣ,
Дышать кровавымъ боемъ,
И на лихомъ конѣ
Качаясь передъ строемъ,
Стать съ храбрыми въ рядахъ?
Дѣтей осиротѣлыхъ
Оставлю ли въ слезахъ,
Чтобъ сѣя всюду страхъ,
Безжалостно въ поляхъ
Цвѣтущихъ и созрѣлыхъ,
Летать съ мечемъ въ рукахъ;
Семействъ надежду цѣлыхъ
Притаптывая въ прахъ;
Чтобъ видѣть селъ сожженье,
Попранье олтарей,
Грабительства, мученье,
И тысячу смертей.
Прочь зрѣлища кровавы!
Доспѣхи величавы

Вотще бы я надѣлъ;
Идти стезею славы
Мой другъ, не мой удѣлъ!

Удѣлъ мой, чисты нравы
Среди домашнихъ дѣлъ,
И въ шумный часъ забавы
Въ семьѣ своей блюсти;
Дѣтей къ добру вести
Надежными путями,
И съ дѣтства пріучать
Бороться бѣдъ съ волнами,
Но въ нихъ не утопать;
Удѣлъ мой, васъ дарами
Полей обогащать,
И изрѣдка, стихами
Друзьямъ своимъ скучать;
А чащѣ въ мирной сѣни
Деревъ любимыхъ мной,
Въ объятьяхъ сладкой лѣни,

Вечернею порой
Искать прохладной тѣни.

Смиренный, тихій кровъ!
Спокойствія обитель!
Гдѣ скромный музъ любитель
Нашелъ среди лѣсовъ,
Первѣйшій изъ даровъ,
Умѣренность.—Пусть житель
Роскошныхъ городовъ,
Смѣется надо мною,
Смиренный, тихій кровъ,
Не разлучусь съ тобою!
А ты, любезный мой,
Старинный мой пріятель!
Усердный почитатель
Всей суеты мірской;
Блестящими мечтами,
Не думай заманить;
Нѣтъ! счастія дарами

*

Меня не соблазнишь!
Въ моей смиренной долѣ,
Дай кончить мнѣ по волѣ
Мой вѣкъ — и не тверди
О почестяхъ мнѣ болѣ!
Я счастливъ здѣсь! — Приди
Въ мое уединенье,
Приди, и самъ познай
Прямое утѣшенье:
То въ сладкомъ умиленьѣ
Преклоншися, читай
Твореній въ книгѣ вѣчной
О мудрости Творца,
И благость безъ конца
Во глубинѣ сердечной
Въ восторгѣ начертай;
Иль силы испытай,
И съ смѣлостью удачной
Приближся, и открой
Надежною рукой,

Часть той завѣсы мрачной,
Которая отъ глазъ
Природу сокрываетъ;
Пусть Геній изумляетъ,
И просвѣщаетъ насъ.
Иль древности преданій
Проникни въ темну даль,
Открой бытописаній
Завѣтную скрижаль,
Источникъ всѣхъ познаній,
И убѣдися самъ,
Что часто въ здѣшнемъ мірѣ
Великій Царь въ порфирѣ,
Завидуетъ рабамъ;
Что слава — привиденье,
Величіе — мечта,
Блаженство — обольщенье,
И мудрость — слѣпота!
Или отъ умозреній
Ты обратись къ трудамъ;

О, сколько попеченій
Тебя достойныхъ! — Тамъ
Степь стелется широко,
И огорчаетъ око
Безплодная земля;
Приди творецъ счастливый,
Тутъ сдѣлай тучны нивы,
И злачные поля.
Тамъ сирота, безъ крова,
Убитый нищетой;
Съ молитвою святой
Онъ проситъ лишь дневнова,
Насущнаго куска;
Пусть щедрая рука
Снабдитъ его, и снова
Онъ будетъ гражданинъ
Для общества полезный;
И вздохъ его одинъ,
И взоръ весельемъ слезный,
Тебя вознаградятъ.

Вотъ наши утѣшенья!
Пусть шумны наслажденья
Васъ больше веселятъ,
Я васъ не понимаю!
Всему предпочитаю
Жизнь тихую свою.
Когда я раздаю:
Занятія — лѣнивымъ,
Покой — трудолюбивымъ,
Больнымъ — цѣлебный сокъ,
Одѣжду — погорѣлымъ,
Подпору — престарѣлымъ,
Пріютъ — осиротѣлымъ,
Прохожимъ — уголокъ,
Утѣху — огорченнымъ,
Защиту — угнетеннымъ,
И нищему — кусокъ;
Тогда, передъ тобою,
О другъ мой, признаюсь,
Доволенъ самъ собою,

И счастливой судьбою
Съ вельможей не сравнюсь!

Въ семъ мірѣ, нѣтъ сомненья,
Даны намъ отъ боговъ,
Различны назначенья:
Пріятны обольщенья,
Для молодыхъ слѣпцовъ;
Для старыхъ гордецовъ
Заботы возвышенья;
Часы жь уединенья
Мой другъ, для мудрецовъ!

ВИНОВАТЪ.

~~~~~~~~

Я виноватъ, и въ томъ признанье
Готовъ предъ всѣми повторить.
Прошу васъ, старое забыть,
И долгое мое молчанье,
И ето длинное посланье
Великодушно мнѣ простить.
Я виноватъ! но какъ же быть?
Вѣдь я лѣнивецъ отъявлёной,
Меня ужъ поздно исправлять.
Едва ручьи начнутъ журчать,
~~~~~~~~

Природа свой коверъ зелёной
Едва раскинетъ; я тотчасъ
Покину Лиру и Парнасъ;
(Иль просто, худо очинёной
Вотъ етотъ карандашъ тупой,
И кабинетъ свой закопчёной)
Прощуся пыльныхъ книгъ съ толпой,
Со всею свитою учёной;
И какъ счастливое дитя,
Урокъ окончивши тяжелый;
Всемъ утѣшаясь и шутя,
Иду безпечный и веселый
Къ ручью, и въ рощи, и въ луга.
Зима у насъ вѣдь такъ долга!
Морозы наши такъ жестоки,
Снѣга такъ страшны, такъ глубоки!
Зимой, при трескѣ дровъ сухихъ,
Пылающихъ въ моемъ каминѣ,
О бренности всѣхъ благъ земныхъ,
О суетѣ заботъ людскихъ,

О жизни, счастьи и судьбинѣ,
Я кипы изписать готовъ.
За то, въ передъ ужъ знайте, лѣтомъ
Не ждите отъ меня стиховъ.
Ахъ, дайте насладиться свѣтомъ,
И позабыть среди лѣсовъ
Что, за грѣхи, я былъ поэтомъ!

Теперь, любитель ставъ цвѣтовъ,
Брожу отъ одного къ другому.
То съ колкихъ розовыхъ кустовъ
Сбираю бережно солому;
Или отъ солнца заслонить
Стараюся Нарциссъ душистый;
Здѣсь Илемъ подкрѣпить вѣтвистый;
Тамъ робкій Тополъ серебристый
Струей прохладной оживить.
Пусть я садовникъ здѣсь, не болѣ,
Но ѣмъ, тружусь и сплю по волѣ.
Ахъ! кто счастливѣе меня,

Когда я вижу близь себя
Все сердцу близкое! — поля
Гдѣ зрѣютъ жатвы золотыя;
И храмы родины святые.
Напѣвъ знакомый соловья,
И шумъ домашняго ручья,
И сосны старыя, густыя.
Вотъ сердцу милая семья!
Вотъ гробы праотцевъ простые!
Въ чемъ счастье, милые друзья?
Кто можетъ дать его? — Природа,
Любовь, умѣренность, свобода.
Такъ думаю; и только вамъ
Какъ истиннымъ друзьямъ, признаюсь;
Хотя по русымъ волосамъ
Сквозятъ сѣдины здѣсь и тамъ;
Хотя я быстро приближаюсь,
Сказать-ли? — къ сорока годамъ;
Но все пріятнымъ быть стараюсь
Еще красоткамъ молодымъ,

Еще невольно покоряюсь
Глазамъ небесно-голубымъ,
И—виноватъ — еще влюбляюсь!

Божественная красота!
Чье сердце всемогущей власти
Твоей не знаетъ? гдѣ лѣта
Свободные отъ нѣжной страсти?
Что мудрость славныхъ мудрецовъ?
И что намъ въ строгомъ ихъ ученьи?
Ты взглянешь — и безъ дальнихъ словъ
Они умолкнутъ въ изумленьи.
Краса, владычица сердецъ!
Тебя, какъ райскую усладу,
За муки жизни сей въ награду,
Намъ создалъ въ благости Творецъ.
Ты лучшее Его творенье,
Природы цѣлой украшенье,
Всего творенія вѣнецъ!
А я, назначенный судьбами,

Всегдашнимъ быть твоимъ слугой,
Клянусь всесильными богами,
Самой клянуся красотой,
Вездѣ идти на поклоненье,
Гдѣ олтари ея стоятъ;
И если это преступленье —
Я буду вѣчно виноватъ!

ОТВѢТЪ Н.***

Еще отъ самыхъ юныхъ лѣтъ,
Оставя шумныя забавы,
Презрѣвъ мечтанья ложной славы
Которыми плѣняетъ свѣтъ;
Сокрылся я въ пріютъ смиренной
Наслѣдіе моихъ отцовъ,
Среди озеръ, среди лѣсовъ,
Въ странѣ глухой, уединенной,
Двѣ трети года покровенной
Пушистой ризой изъ снѣговъ.

Здѣсь нужды въ людяхъ не имѣя,
Забвеннымъ только быть искалъ,
И малымъ на землѣ владѣя
Еще я менѣе желалъ.
Желалъ съ сосѣдями жить въ мирѣ,
Съ полей обильный плодъ сбирать,
И счастіе свое, на лирѣ
Безвѣстной свѣту воспѣвать.

Но мира я искалъ напрасно!
Увы! развратъ вездѣ проникъ!
И здѣсь, презрѣнный клеветникъ,
На пагубу людей, всечасно
Остритъ тлѣтворный свой языкъ;
И здѣсь судья, судитъ пристрастно
Съ покойной совѣстью привыкъ;
И здѣсь все сильному подвластно,
И правый передъ нимъ безгласно
Главой почтенною поникъ.
А я, сихъ ужасовъ свидѣтель,

И вмѣстѣ жертва клеветы;
Зря какъ страдаетъ добродѣтель,
Какъ торжествуетъ золъ содѣтель
Надъ скромнымъ другомъ правоты;
Жестокой скорбью пораженный
Невольно слезы проливалъ,
И лиры, прахомъ покровенной,
Рукой коснуться не дерзалъ!
Но ты, посланіемъ прекраснымъ
Увядшій духъ мой оживилъ;
Ты пѣніемъ своимъ согласнымъ,
Желанье пѣть во мнѣ родилъ.
Стихи твои, пылая чувствомъ
И тонкихъ мыслей красотой,
Равно плѣняютъ насъ искуствомъ,
И благородной простотой.

КЪ ЛИРѢ.

Есть часъ—священный часъ молчанья,
Когда низходитъ тишина
На утомленные созданья;
Когда безмолвія полна,
Въ объятіяхъ отрадныхъ сна,
Какъ силою очарованья,
Природа вся погружена;
Когда покрывшись облаками
Не свѣтитъ на небѣ луна,
Не порхнетъ птичка межъ вѣтвями,

Зефиръ не шепчется съ листами,
Не молвитъ съ берегомъ волна.
Есть лѣта—горестные лѣта,
Когда и лиры звукъ, Поэта
Въ восторгъ не можетъ погрузить;
Когда живитель прежній, Геній,
Знакомыхъ, сладостныхъ волненій,
Въ душѣ не сходитъ пробудить.
Такъ сладкая весны пѣвица,
Счастливыхъ жителей полей
Плѣняетъ пѣснію своей,
Пока румяная денница,
Не запылаетъ въ небесахъ;
И ахъ! къ полудню умолкая,
Въ прохладныхъ прячется лѣсахъ.
Прости-жъ, о Лира золотая!
Насталъ разлуки нашей часъ.
Напрасно подъ моей рукою
Еще звенящею струною
Ты издаешь печальный гласъ;

Прости, прости въ послѣдній разъ!
Прости!..., и выкатясь не вольно
Слеза блеснула на щекахъ?
О Лира! въ пламенныхъ мечтахъ
Терзавшихъ душу, слезъ довольно
Я пролилъ на твоихъ струнахъ!
Въ сей полной горестьми юдоли,
Гдѣ мы осуждены страдать,
Ты и дана намъ, не на то-ли
Чтобъ наши скорби услаждать,
И тайное души томленье
Гармоніей очаровать?
Такъ, вотъ твое опредѣленье!
Что выражаетъ наше пѣнье? —
Желаніе, иль сожалѣнье;
И голосъ счастія заглохъ.
Плѣнительной лѣсовъ пѣвицы,
И вдохновенныя цевницы,
Пѣснь лучшая — сердечный вздохъ!

Когда стезею потаенной,
Я ночи цѣлыя блуждалъ,
Вокругъ гробницы мнѣ священной,
И грудь слезами орошалъ;
О Лира! ты свои стенанья
Сливала съ голосомъ моимъ;
Но чужда гласу ликованья
Среди веселаго собранья,
Смѣясь счастливцамъ молодымъ,
Ты радость не хвалила имъ.
Я пѣлъ съ тобой, красы природы,
Прохладну тѣнь моихъ лѣсовъ,
Цвѣты пестрѣющихъ луговъ,
И ручейка кристальны воды,
И хижины пріютный кровъ,
И сельской прелести свободы;
И не носилъ тебя, подъ своды
Горящихъ золотомъ дворцовъ;
И къ двери ихъ великолѣпной,
Тебя, рукою раболѣпной,

О Лира! я не прикрѣплялъ.
Порокъ, своимъ прикосновеньемъ,
Тебя во вѣкъ не оскорблялъ;
Лишъ чистой страсти дуновеньемъ,
Одинъ Амуръ тебя ласкалъ;
Лишъ милая одна, порою
Ко мнѣ склонившись головою,
Внимала звуку струнъ твоихъ;
И часто локоны златые,
Раскинуты по нѣжной выѣ,
Подъ дуновеньемъ устъ моихъ,
Такъ точно сотрясались сами,
Какъ звучны струны, подъ перстами
Въ восторгѣ двигавшими ихъ!

~~~~~~~~~~
~~~~~~~~~~

БЫВАЛО.

Что въ старину бывало,
Тому уже не быть!
Ты хочешь воротить
Что время ужъ умчало,
И юныхъ дней начало
Въ мечтаньяхъ оживишь.
Не лучше ль, другъ, забыть
Какъ *Счастье* насъ качало,
Стараясь усыпить?
Какъ къ морю подзывало,

Которое стояло
Какъ чистое зерцало
Не смѣя водъ струить;
Какъ дальность освѣщало,
И все въ дали казало
Что можетъ обольстить;
Ладью намъ снаряжало,
И всюду обѣщало
Вожатымъ нашимъ быть.
Но чтожъ? — къ скалѣ примчало,
И вдругъ изъ глазъ пропало!

Вкругъ море бушевало,
И волны подымало,
И къ намъ въ ладью хлестало,
Стращая поглотить!
Кормило отшатало,
И парусъ вѣтромъ рвало...
Куда, и какъ намъ плыть?
Тутъ *Бѣдствіе* предстало

Въ насъ силы искусить;
И *Злоба*, въ сердце жало
Искала запустить;
Притворство, насъ ловить
Ужъ сѣти разстилало;
Коварство поспѣшало
Невинныхъ защитить,
И нѣжно обнимало,
Чтобъ послѣ . . . удушить!

Ахъ, другъ! намъ не пристало
Прошедшее будить!
Забвенья покрывало
Намъ время опустить.
Что юношей ласкало
Того не воскресить;
Тому уже не быть,
Что въ старину бывало!

~~~~~~~~~~~~~~
~~~~~~~~~~~~~~

СМѢСЬ.

В. В. КАПНИСТУ.

Любимецъ мудрости и Грацій,
Изъ дѣтства чтимый мной пѣвецъ!
Прими, любезный нашъ Горацій!
Изъ мирта, лавровъ и акацій
Сплетенный мной тебѣ вѣнецъ.

На берегахъ цвѣтущихъ Псола,
Гдѣ нѣжной окруженъ семьей
Въ тѣни зеленаго раздола,

Ты всѣ сокровища Пактола
Умѣлъ найти въ душѣ своей.

Волной гдѣ берестъ подмовенный
Въ водахъ глядится наклонясь;
И гдѣ твой голосъ вдохновенный
Услыша соловей плѣненный,
Тебѣ внимаетъ притаясь.

На гласъ безвѣстнаго поэта,
Склонись вечернею порой;
Узнай, какъ въ молодые лѣта,
Отъ шумнаго сокрывшись свѣта,
Онъ тихо вѣкъ проводитъ свой.

Въ странахъ, гдѣ Сухоны сердитой
Изъ озера стремится токъ,
Въ скалахъ и пропастяхъ прорытой,

И мчась въ пучинѣ ледовитой,
Крушитъ и камни и песокъ.

Въ долинѣ, скатомъ наклоненной
До самыхъ озера валовъ,
Стоитъ мой домъ уединенной,
Отъ бурныхъ вѣтровъ защищенной
Столѣтнихъ сѣнію дубовъ.

Здѣсь прудъ, лѣнивыми струями
Въ зеленыхъ вьется берегахъ;
И домъ, съ деревьями, лугами,
Съ лазурнымъ небомъ, и съ холмами,
Рисуется въ его водахъ.

Здѣсь съ завистію незнакомый,
Спокойно дни свои веду;
Заботой лишней не гнетомый;

Превѣчной мудростью ведомый,
За ней съ покорностью иду.

Разборчивость оставя строгу,
Я вовсе не знатокъ въ чинахъ;
Но кто ко мнѣ найдетъ дорогу,
Тотъ вѣрно встрѣтитъ у порогу
Гостепріимство на часахъ.

Талантъ—найдетъ здѣсь уваженье,
Сердечны чувства—доброта;
Для радости — увеселенье,
Для скорби—скорбь и утѣшенье,
Для всѣхъ—любовь и простота.

Но гордость чуть не осторожно
Толкнется у моихъ дверей,
По ниже поклонясь, какъ должно,

Запрусь я крѣпче сколько можно—
Не нужно мнѣ шакихъ госшей!

Безвѣсшносшь—все мое исканье,
Безпечносшь—благо дней моихъ;
Умѣренносшь—мое желанье,
О дѣшяхъ все мое сшаранье,
Моя награда—нѣжносшь ихъ!

ИЗОБРАЖЕНІЕ БИТВЫ.

Внезапно раздался звукъ бранной трубы!
  И эхо въ горахъ пробудилось.
Къ оружью! — И легче чѣмъ вихорь полей
  Къ оружію все устремилось!
Разсѣянны въ полѣ сомкнулись ряды;
  И вскорѣ стѣсненны дружины,
Какъ мрачные два развернувшись крыла,
  Покрыли обширны равнины.
Все тихо. Надъ ратью безмолвно парятъ
  У ужасъ, и смерть, и молчанье.

Лишъ слышится топотъ и ржанье коней,
  Лишъ вторятъ вождей приказанье,
Лишъ вѣтеръ въ развитыхъ знаменахъ шумитъ,
  И тысячи движутся стройно—
Какъ будто единый идетъ Исполинъ,
  Во срѣтенье смерти, спокойно.

Но грозная мѣдь загремѣла въ дали;
  И твердь отозвалась стенаньемъ.
Изъ тысячи жерлъ вырываяся громъ,
  Сражаетъ смертельнымъ дыханьемъ.
Какъ пахарь все ходитъ и взадъ и впередъ
  За плугомъ, поля раздирая,
И рядомъ съ браздою, другую бразду
  Проводитъ, устатка не зная;
Такъ въ сонмахъ ядро роковое жузжа,
  Любимцевъ Беллоны кровавой,
Какъ класы сжиная, рядами кладетъ.
  Здѣсь Витязь пылающій славой,

*

Ко праху приникнулъ надменнымъ челомъ,
И вѣкъ свой кончаетъ счастливой;
И въ долъ упадаетъ блистающій шлемъ,
Увѣнчанный черною гривой.
Почуя свободу, конь бодрый вспрянулъ,
И быстро мелькнулъ передъ строемъ;
Вдругъ всталъ озираясь, всхрапнулъ—и главой
Поникъ надъ увядшимъ героемъ.
Тамъ воинъ, давно посѣделый въ бояхъ,
Поверженъ, палъ съ юношей рядомъ;
Привыкнувъ къ знаменамъ, онъ только объ нихъ
Груститъ, провожая ихъ взглядомъ.
Смерть грозная быстро летаетъ въ рядахъ:
Тотъ падаетъ жизни лишенный;
Другой возлегаетъ на прахѣ стѣня,
Какъ тополь вѣтвей обнаженный.
Онъ видитъ отторженны члены свои,
И къ жизни привязанный милой,
Влачится, оставя кровавы слѣды,
Съ послѣдней сбираяся силой.

Но громы вотще непрестанно ревутъ,
  И храбрыхъ разятъ безъ пощады.
Какъ бурныя волны, раздвинуты вдругъ
  Давленьемъ летящей громады,
Кипятъ, и сливаются вслѣдъ за кормой;
  Такъ сонмы безстрашныхъ, толпами,
На мѣсто убитыхъ, по трупамъ летятъ,
  Ряды замѣняя рядами.

Межъ тѣмъ оба войска бездѣйствомъ томясь,
  И оба, пылая отмщеньемъ,
Сгарая желаніемъ встрѣтить врага,
  Пустились согласнымъ движеньемъ;
Сошлись—и вломившись въ противны полки,
  Ужасную начали сѣчу.
Подъ топотомъ конницы стонетъ земля;
  Удары ударамъ на встрѣчу
Летятъ съ быстротою; и молніи блескъ
  Во мглѣ не престанно сверкаетъ;

Мечи поражаясь мечами стучатъ;
  Стенанье въ громахъ изчезаетъ;
И дымъ, подымаясь въ густыхъ облакахъ,
  Во мракѣ таитъ ихъ судьбину,
Равно сокрывая отъ нашихъ очей
  Побѣду друзей иль кончину.
Такъ въ мрачной пустынѣ, съ противныхъ двухъ горъ,
  Два быстрые тока свергаясь,
Стремятся другъ друга съ пути совратить,
  Въ стѣсненныхъ брегахъ не вмѣщаясь;
Волна подымаясь столкнулась съ волной,
  И обѣ отхлынули съ гнѣвомъ,
И влажная пыль поднялась въ высоту,
  И дебри наполнились ревомъ!

Но все утихаетъ! — И клики, и громъ
  Въ пустынѣ теряются дальной.
Приникни! — Молчанье! . . . Вдругъ сладостный звукъ
  Разнесся въ долинѣ печальной.

Тимпановъ, гобоевъ и звонкой трубы,
Согласны сливаются тоны;
Ихъ вѣтеръ навѣетъ, и прочь отнесетъ,
Мешая къ нимъ страждущихъ стоны.
И солнце разсѣявъ ряды облаковъ,
Окрестности всѣ освѣтило;
И страшное зрѣлище нашимъ очамъ
Въ ужасной картинѣ открыло.
Здѣсь крови потоки текущей ручьемъ;
Разбитые въ прахъ колесницы;
Поверженны кони; и падшихъ въ бою,
Въ пыли, безобразные лицы!
Тамъ панцыри, шлемы, мечи и щиты;
Тамъ всюду кровавые члены!
И цѣлые груды погибшихъ дружинъ!
И брошенны возле знамены!

О что вы мечтали? гдѣ были въ сей часъ?
Вы матери, жены, и други!

Придите, сочтите, узнайте ихъ здѣсь!
  Вотъ дѣти, друзья и супруги!
Спѣшите исторгнуть у хищныхъ звѣрей,
  У врановъ жадающихъ крови,
Послѣдню надежду преклонныхъ годовъ,
  Предметы сладчайшей любови!
О, сколько прольется рыданій и слезъ,
  Надъ ихъ безвременной кончиной!
Доколе годами замѣнится то,
  Что день уничтожилъ единой.
Но смертныхъ плачевной смущаться судьбой,
  Превѣчныхъ стихій не достойно.
Природа, на гибельный жребій ихъ зритъ—
  И мимо проходитъ спокойно.
На утро румяная встанетъ заря,
  Въ безоблачномъ небѣ сіяя,
И въ стали, обрызганныхъ кровію латъ,
  Лучемъ позлащеннымъ играя.
Потокъ быстротечный, кровавы брега
  Омоетъ струей благотворной;

И вѣтеръ повѣетъ отъ свѣжихъ долинъ,
И воздухъ очиститъ тлетворной;
И въ полѣ, удобренномъ прахомъ дружинъ,
И солнцемъ весеннимъ согрѣтомъ,
Послѣдни остатки ихъ блѣдныхъ костей,
Подъ пышнымъ сокроются цвѣтомъ!

МОТЫЛЕКЪ.

(изъ Ламартина).

Родиться съ розами весной,
И въ свѣтлыхъ областяхъ эфира
Безпечно плавать надъ землёй,
Прильнувши къ крылышку Зефира;
На лонѣ дѣвственномъ, цвѣтовъ
Чуть развернувшихся—качаться;
Питаться запахомъ листковъ,
Лазурью, свѣтомъ упиваться;
И мигомъ взвившись въ облака,
Сокрыться въ нихъ, какъ дуновенье:

Вотъ золотаго мотылька,
Волшебное опредѣленье.
Онъ какъ желаніе — ни въ чёмъ
Не находя подъ солнцемъ счастья;
На небеса, взмахнувъ крыломъ,
Летитъ, искать тамъ Сладострастья!

ЧУДЕСНАЯ ГОСТЬЯ.

(Изъ Шиллера.)

Въ долинѣ бѣдной и безвѣстной,
Со всякой новою весной,
Являлась Дѣва, гость чудесной,
Пленяя смертныхъ красотой.

Она родилась не въ долинѣ;
Отколь она, ни кто не зналъ.
И самый слѣдъ ея, въ пустынѣ
Съ ея прощаньемъ изчезалъ.

Съ ея волшебнымъ приближеньемъ
Восторгъ одушевлялъ сердца;
Но поражала всѣхъ почтеньемъ
Высокость важнаго лица.

Она несла цвѣты съ плодами
Созрѣвшими въ иной веснѣ,
Другаго солнца подъ лучами,
Въ другой, счастливѣйшей странѣ.

И одѣляла всѣхъ дарами,
Иному плодъ, другому цвѣтъ.
И старика подъ сѣдинами,
И юношу во цвѣтѣ лѣтъ,

Всѣхъ съ даромъ къ дому отпускала,
Всѣхъ принимала Красота.
Но если скромно приступала
Младыхъ любовниковъ чета,

Тогда съ улыбкою привѣтной,
Вручала ей, изъ всѣхъ даровъ,
Даръ наилучшій и завѣтный;
Цвѣтъ, самый пышный изъ цвѣтовъ.

~~~~~~~~~~~~
~~~~~~~~~~~~

ОТРЫВКИ ИЗЪ ОССІАНА.

I.

Сальгаръ и Кольма.

Вѣтеръ свищетъ завывая,
Бьется о берегъ волна,
Распростерлась ночь густая —
Я скитаюся одна!

Нѣтъ Сальгара дорогова,
Тщетно я его звала;
Нѣтъ пріюту ни какова,
Гдѣ бъ укрыться я могла.

О подруга злой кручины!
Встань любезная луна,
Освѣти сіи долины —
Я скитаюсь въ нихъ одна!

Лучь блестящій утѣшитель,
Лучь вечернія звѣзды!
Будь ты мой путеводитель,
Покажи его слѣды!

Вѣрно ланью круторогой
Въ дебри дальни завлеченъ;
Иль за серной быстроногой,
Онъ гоняясь утомленъ;

И пути не обрѣтая
Въ темнотѣ густыхъ лѣсовъ,
Онъ возлегъ, изнемогая,
Посреди усталыхъ псовъ.

Здѣсь при брегѣ волнъ шумящихъ,
Я провесть всю ночь должна,
Подъ покровомъ тучь висящихъ,
Беззащитна и одна!

Вѣтеръ грозный, съ большей силой
Межъ утесами реветъ;
О Сальгаръ! твой голосъ милой
До меня ужъ не дойдетъ.

Гдѣ ты медлишъ, другъ мой вѣрный?
Что отвлечь могло тебя?
Вотъ тотъ дубъ, вотъ камень черный,
Гдѣ ты ждать хотѣлъ меня.

Для тебя на вѣкъ рѣшилась,
Я родной покинуть домъ;
Для тебя, я разлучилась
Съ братомъ, съ матерью, съ отцомъ.

Мы семейственной враждою
Издавна раздѣлены;
Но съ тобой, Сальгаръ, душою
Другъ для друга рождены.

Укротите лютость яру,
Вѣтры грозные на часъ;
Дайте милому Сальгару,
Мой услышать слабый гласъ!

О Сальгаръ! о другъ мой вѣрный!
Здѣсь любезная твоя;
Вотъ и дубъ, и камень черный,
Вотъ и Кольма ждетъ тебя!

~~~~~~~~
~~~~~~~~

II.

Конналъ и Кримора.

Осень мрачными крылами,
Возлегаетъ на горахъ.
Тучи грозныя, рядами
Мчатся быстро въ небесахъ.
Обнажилися поляны,
Вѣтры воютъ по лѣсамъ,
И сгущенные туманы
Разостлались по холмамъ.

*

Тамъ источникъ, по долинѣ
Воды мутныя стремитъ;
Тамъ пригорка на вершинѣ,
Одинакой дубъ стоитъ.
Часто странникъ изумленный,
Видитъ тѣни въ сихъ мѣстахъ.
Ахъ! сей дубъ уединенный,
Осѣняетъ славный прахъ!

Все здѣсь мрачно, все къ печали
Привлекаетъ въ тишинѣ;
Но недавно мы внимали
Звукъ оружій въ сей странѣ.
Здѣсь не давно раздавался
Падшихъ стонъ, разящихъ гласъ. . .
О Конналъ! ты здѣсь сражался —
Здѣсь на вѣки ты погасъ!

Какъ ужасный, черный камень,
Возвышался ты въ поляхъ;
Мечь твой, былъ губящій пламень,
Огнь блисталъ въ твоихъ очахъ;
Гласъ твой грозный, среди бою
Бурь порывы заглушалъ;
И какъ злакъ, передъ собою
Ты противныхъ пожиналъ.

Вдругъ, вращая взоры злобны,
Дарго яростный летитъ,
Мрачну облаку подобный
Въ коемъ тяжкій громъ сокрытъ.
И мечи ихъ засверкали,
Какъ небесные огни; —
Звукъ ужасный издавали
Пораженныя брони.

Близъ героевъ, дочь Винвала,
Скрывъ подъ лашами красы,
Въ видѣ юноши блисшала.
Вѣшръ взвѣвалъ ея власы,
Грудь высоку, бѣлоснѣжну,
Панцырь шведый покрывалъ;
И десницу дѣвы нѣжну
Лукъ ужасный ошягчалъ.

Вслѣдъ любимаго героя,
Дѣва страсшная пришла;
Гдѣ Конналъ былъ среди боя,
И Кримора шамъ была.
Твердый лукъ свой напрягаешъ,
Въ Дарго злобнаго сшремишъ,
Но увы! сшрѣла блуждаешъ —
И Коннала въ грудь разишъ!....

Долго воплями Криморы
Наполнялся сводъ небесъ;
Долго горестные взоры
Изливали токи слезъ.
Дни и ночи повторяли
Лишъ стенанія одни;
Наконецъ, души печали
Прекратили бѣдной дни!

Здѣсь, друзья, земли утроба,
Прахъ любезный ихъ взяла;
Между камнями ихъ гроба
Повелика проросла.
Часто я на холмъ сей дикой
Прихожу въ мечтахъ своихъ,
Вѣтръ тепнется съ поветикой —
И напомнитъ мнѣ объ нихъ!

Часто здѣсь, съ душой унылой,
Застаетъ меня луна.
Пусть надъ мирной ихъ могилой
Будетъ вѣчно тишина!
Пусть преданіе святое
Оградитъ сіи мѣста!
О, почій! почій въ покоѣ,
Злополучная чета!

III.

Рино и Минвана.

Какъ? и ты, свирѣпой брани,
Сынъ Фингаловъ, жертвой сталъ?
Отъ какой же сильной длани
Рино, сильный Рино палъ?

И несчастную Минвану
Сиротой оставилъ жить!
Но не долго въ мірѣ стану
Жизнь унылую влачить.

Нѣтъ! уже не буду болѣ
Въ полунощные часы,
Распускать вѣтровъ по волѣ
Черные мои власы;

Не пойду, порою поздной,
Я тебя на брегѣ ждать;
И со стономъ бури грозной,
Стоны сердца съединять.

Скоро сниду, Рино милый,
Я къ тебѣ, въ обитель сна;
Гдѣ вокругъ твоей могилы
Вѣчна ночь и тишина.

Воетъ вѣтръ—и черны тучи
Подымаются кругомъ;
Разсыпаясь, валъ зыбучій,
Мретъ при берегѣ крутомъ;

Тамъ, среди пучины дальной,
Колыхаяся въ волнахъ,
Приближается печальной
Къ намъ корабль на парусахъ.

Вѣстникъ горестной утраты,
Чуждъ и пустъ ты для меня!...
Рино!... ахъ! я вижу латы
Покрывавшіе тебя!

Для чего жъ при сиромъ гробѣ
Не виситъ твой круглый щитъ?
Или ты въ земной утробѣ
Какъ безвѣстный вождь сокрытъ?

Странникъ узритъ холмъ могильный,
Мимо молча поспѣшитъ,
Не узнавъ того, что сильный
Тутъ въ сырой землѣ лежитъ!

Что превратнѣй нашей доли?
Ахъ, давно ли я жила
Вмѣстѣ съ милымъ? и давно ли
Всѣхъ счастливѣе была?

Дни блаженные! почто-же
Пролетели вы для насъ,
Какъ героя въ брачномъ ложѣ
Возбуждалъ денницы гласъ?

„Витязь юный, пробудися!
„Ясный день уже спѣшитъ,
„Звонки роги раздалися,
„И елень въ кустахъ дрожитъ!

Тщетный гласъ! почіетъ милой;
Для него не свѣтитъ день—
И безстрашно надъ могилой
Рѣзвый прыгаетъ елень.

Спи, о Рино! — я покою
Не нарушу твоего.
Сниду легкою стопою,
Лечь близь друга своего.

И подруги со слезами,
Тутъ искать меня пойдутъ;
И надъ чуждыми брегами,
Пѣснь печальну возпоютъ.

Поздно, поздно! гласъ унылый
Не дойдетъ въ обитель сна,
Гдѣ вокругъ моей могилы,
Вѣчна ночь и тишина!

КЪ ДРУЗЬЯМЪ.

Бушуетъ вихорь, ночь мрачна,
И мрачны размышленья.
Друзья, за чашею вина
Поищемъ утѣшенья!

Пусть мудрецы минувшихъ лѣтъ
Винятъ забавы наши;
Мы выслушаемъ ихъ совѣтъ —
И опорожнимъ чаши.

Друзья, скажите, кто изъ насъ
Въ сужденьяхъ справедливѣй?
Они умнѣе во сто разъ —
Мы во сто разъ счастливѣй!

Не все ли время унесетъ?
Не сонъ ли жизни сладость?
Ахъ! скоро молодость пройдетъ,
Еще скорѣе радость!

И такъ, друзья, изъ подтишка
Мы веселиться станемъ —
И вѣрно злаго старика,
Хоть часикомъ обманемъ!

~~~~~~~~~~~~
~~~~~~~~~~~~

ПОДЗЕМЕЛІЕ.

Отрывокъ изъ Делилевой Поэмы: Воображеніе.

~~~~~~~~~~

Гдѣ Рима древняя подъемлется стѣна,
Пространныхъ тамъ пещеръ, изрыта глубина;
Изъ коихъ смертные, трудясь столѣтья многи,
Несли Римлянамъ въ дань, скалы на ихъ чертоги.
Со всею славою, съ величіемъ своимъ,
Изъ подземелій сихъ, возникъ огромный Римъ.
Потомъ, какъ истинна подъ игомъ лжи стенала,
Тамъ церковь чадъ своихъ гонимыхъ сокрывала (*),

(*) Какъ время, такъ и причина изрытія сихъ необъятныхъ подземныхъ пещеръ, которые простираются подъ боль-
~~~~~~~~~~

До дня, какъ избѣжавъ нечестія препонъ,
Дала торжественно вселенной всей законъ;
И крестъ на Кесарскихъ знаменахъ водрузился.
Художествъ юный другъ, что все познать стремился (*),
Что всю родителей надежду составлялъ,
И живопись своимъ успѣхомъ удивлялъ;
Сгаралъ желаніемъ, зрѣть мрачныя пещеры,
Гдѣ колыбель была святыя нашей Вѣры.
Свѣтильникъ въ руку взявъ, въ другой державши нить,
Въ жилище ужаса дерзаетъ онъ вступить.
Подходитъ подъ сіи неизчислимы своды,
Гдѣ пресѣкаются повсюду мрачны ходы.
Взираетъ съ жадностью, на страшные мѣста,
Гдѣ вѣчный свой престолъ воздвигла темнота;
На храмы христіанъ, на древніе ихъ гробы,

тою частію города Рима, неизвѣстны. Но достовѣрно то, что они служили убѣжищемъ Христіанамъ, во время гоненій.

(*) Произшествіе здѣсь описываемое, дѣйствительно случилось съ Робертомъ, знамѣнитымъ художникомъ, бывшимъ тогда ученикомъ Французской Академіи въ Римѣ.

Слѣды невинности, скрывавшейся отъ злобы!
Вдругъ потаенный ходъ онъ зритъ съ одной страны,
И вмигъ стопы его туда обращены.
Тамъ урны видитъ онъ, сосуды зритъ священны;
То мучениковъ, дѣвъ, останки драгоцѣнны.
Сокровище то взявъ, онъ продолжать желалъ....
Увы! онъ нить, его ведущу потерялъ!
Старается искать, но все старанье тщетно;
Онъ заблуждается межъ сводовъ не примѣтно.
Со трепетомъ въ душѣ, съ отчаяньемъ въ очахъ,
Идетъ, приходитъ вспять, впадаетъ въ большій страхъ.
По всѣмъ путямъ тогда влечетъ его смятенье,
И такъ съ пути на путь, съ ошибки въ заблужденье,
Достигнулъ наконецъ, среди сей бездны онъ
Обширна зданія. Предъ нимъ со всѣхъ сторонъ
Открылися въ дали безчисленные ходы.
Который же избрать? который путь свободы?
Онъ бросился по всѣмъ, и вновь уходитъ съ нихъ;
Страхъ длитъ шаги его, страхъ ускоряетъ ихъ.
Онъ стонетъ—томный стонъ по сводамъ раздается!

Ужасной мыслію душа его мятется:
Ужъ солнце обтекло полъкруга своего,
Съ тѣхъ поръ, какъ посреди вертепа онъ сего;
Тамъ часто тишина въ теченіи полъвѣка,
Не нарушается стопою человѣка;
И къ вящшей пагубѣ, въ ужасной безднѣ той,
Онъ догарающій свѣтильникъ видитъ свой.
Страшась, что всякій шагъ, что всякое движенье
Колебля огнь, свѣчи приближитъ разрушенье,
Остановившись вдругъ; безчувственъ онъ стоитъ.
Старанье тщетное! ни что не отвратитъ!
Часъ приближается, и устрашенны очи,
Уже мечтаютъ зрѣть начало вѣчной ночи.
Онъ устремился вновь по страшной пустотѣ,
И возкурясь свѣча, потухла въ темнотѣ.
Стеная, онъ свѣчу прилѣжно раздуваетъ,
И оживленный огнь мгновенно вновь пылаетъ.
Надежда ложная! воскъ пламемъ истощенъ,
Къ свѣтильнѣ медленно горящей привлеченъ,
Достигъ руки его, и персты обозженны

*

Не могутъ удержать, страданьемъ побѣжденны.
Изъ ноющей руки свѣтильникъ тутъ упалъ,
И гробъ его, сей лучь послѣднiй освѣщалъ.

О ты, кѣмъ Уголинъ изображенъ несчастный (*),
Приди на помощь мнѣ, приди о Дантъ ужасный!
Вручи мнѣ кисть свою; изобрази ты мнѣ,
Излучистыхъ пещеръ, во мрачной глубинѣ,
Несчастнаго, что вѣкъ минутами щитаетъ;
Одинъ. . . но нѣтъ! одинъ злощастный не бываетъ!
Воображенiе, въ безмолвьи темноты,
Являетъ передъ нимъ ужасныя мечты.
Уже онъ мыслитъ зрѣть различны приведенья,

(*). Графъ Уголинъ и четыре сына его, безчеловѣчнымъ мщенiемъ Архiепископа Пизскаго осужденные умереть съ голоду, заключены были въ одну башню, и двери темницы ихъ закладены. Дантъ повѣствуетъ сiе ужасное произшествiе въ тридцать третей пѣсни своего Ада; и изображаетъ Уголина разъяреннаго надъ черепомъ врага своего.

La bocca sollevó del fiero pasto.

Описанiе сiе одно изъ лучшихъ въ Италiанской Поэзiи.

И слабость бледную, и ярость изступленья,
И смерть—но смерть не ту, что намъ съ побѣдой льститъ;
Что славой красится, и молніей летитъ;
Но страшну, медленну, влекущую ко гробу
Гладъ, гложущій свою раздранную утробу.
Взнялись власы его, остановилась кровь!
Но сожаленье, скорбь усугубляетъ вновь.
Воспомнилъ, что на вѣкъ расшался онъ съ родными,
Въ семъ злополучіи увы! что будетъ съ ними?
Воспомнилъ о трудахъ не конченныхъ своихъ,
Въ нихъ онъ утѣху зрѣлъ, и славы ждалъ отъ нихъ!
О той, которыя улыбка, одобренья,
Лѣстнѣйшія его бывали награжденья.
Воспомнилъ—и токъ слезъ онъ горестнѣйшихъ лилъ:
Ихъ жалость извлекла—а ужасъ изсушилъ!
Но все надеждой онъ еще смягчая муки,
Мечтаетъ видѣть свѣтъ, мечтаетъ слышать звуки.
Онъ смотритъ, слушаетъ. Увы! сихъ безднъ по дну,
Онъ видитъ только мракъ, внимаетъ тишину,
И новый страхъ родитъ въ немъ тишина глубока.

Тогда-то въ полнотѣ извѣсивъ лютость рока,
Онъ отъ мечты къ мечтѣ смущенну мысль влечетъ;
Встаетъ, и падаетъ, и снова возстаетъ.
Вездѣ встрѣчается тамъ съ хладными костями,
Вездѣ смертельными сражается мечтами.
Вдругъ легкую ногой преграду ощутилъ,
Страшащійся всего, онъ руку устремилъ. . . .
О провидѣніе! О чудо! Восхищенье!
Онъ нить свою обрелъ, обрелъ свое спасенье!
Восторгомъ, радостью, внезапно поражёнъ,
Боготворитъ ту нить, ее лобзаетъ онъ.
Боится, что бы съ ней опять не разлучиться,
Ей хочетъ слѣдовать, и свѣтомъ насладиться;
Но чувство тайное порывъ сдержало сей.
Чудесно избѣжавъ отъ гибели своей,
Смущенный духъ его, объятый новой силой,
Пріятность находилъ въ сей пропасти унылой;
И обращая взоръ въ ужасныхъ сихъ мѣстахъ,
Онъ радость чувствовалъ, и вмѣстѣ съ нею страхъ.
Но на конецъ, спѣша за нитью въ путь извѣстный,

Стремится онъ, летитъ увидѣть свѣтъ небесный.
Съ какимъ восторгомъ онъ на небеса взиралъ,
Которыхъ болѣе узрѣть не уповалъ;
Съ какою радостью взводилъ ослабши взоры,
На рощи, на поля, на отдаленны горы;
Убога хижина, великолѣпный градъ,
Казалось въ первый разъ его прельщали взглядъ.
Объятый радостью внезапною, священной,
Онъ мнилъ присудствовать созданію вселенной.

~~~~~~~~~~~~
~~~~~~~~~~~~

МАТЕРИ,

На рожденіе сына.

Гряди на свѣтъ въ счастливый часъ,
Младенецъ драгоцѣнной!
Да будешъ ты всегда, для насъ
Отрадой не измѣнной!

А ты, чувствительная матъ!
Внимая сына стону,
Учися нѣжно прижимать
Его къ родному лону!

Спѣши къ груди его привить.
Не дай, что бы другая,
Могла права твои дѣлить,
Его млекомъ питая.

Чтобъ нянчить сына твоего,
Наемники не смѣли;
Ты усыпляй сама его
На зыбкой колыбели.

Когдажъ онъ станетъ отвѣчать
Тебѣ своей улыбкой;
То начинай образовать,
Его характеръ гибкой.

Посѣй искусною рукой,
Въ немъ сѣмя твердой вѣры;
И добродѣтели святой,
Тверди ему примѣры.

И если бѣдствія потомъ
Надъ нимъ гроза возстанетъ;
Тогда, покрытый ихъ щитомъ,
Предъ ней онъ смѣло станетъ.

Увы! обильна урна зла,
И жизнь всегда мятежна,
И злополучія стрѣла
Въ семъ мірѣ не избѣжна!

Такъ должно, чтобы смертный могъ
Всегда бороться съ рокомъ;
И помнить, что всесильный Богъ,
Всѣхъ назираетъ окомъ.

~~~~~~~~~~
~~~~~~~~~~

КЪ ЛИЦИНІЮ.

(Подражаніе Горацію.)

Лициній! свирѣпымъ плывя океаномъ,
Гдѣ пѣняся скачутъ сѣдые валы;
Не мчись въ середину на челнѣ вертляномъ,
И брега страшися кремнистой скалы.

Равно удаляя и роскошь пустую,
И бѣдность, гнетущую бременемъ золъ;
Умѣренность свято храни золотую.
Ей въ домикѣ скромномъ воздвигни престолъ.

Вѣтръ грянулъ—смотри, какъ высокія ели
Погнулись со скрыпомъ. Послушай, въ дали
Какъ отзывы грома въ горахъ пролетѣли—
И башни обломки лежатъ на земли.

Надеждою, мудрый въ напастяхъ водимый,
При счастьи ждетъ новыхъ судьбы перемѣнъ.
Такъ скоро проходятъ суровыя зимы,
И лѣта дыханіемъ мразъ замѣненъ.

Сего дня, кто плачетъ, тотъ завтра смѣется!
Не вѣчно и лиры божественной звукъ,
Въ чертогахъ Олимпа звеня раздается;
И Фебъ не всегда налягаетъ свой лукъ.

Такъ будемъ же твердо сносить всѣ утраты,
Когда разъяренный насъ рокъ поразитъ;
И сложимъ скорѣе мы парусъ крылатый,
Какъ слишкомъ попутный намъ вѣтръ зашумитъ.

~~~~~~~~~~
~~~~~~~~~~

ВЕСЕННІЙ ДЕНЬ.

Въ пещеры сѣвера, поспѣшными шагами
Зима суровая бѣжитъ;
И юная весна, увѣнчанна цвѣтами,
Съ улыбкой къ намъ летитъ.

Деревья зеленью пріятною покрылись,
И нѣжный лугъ зазеленѣлъ;
Фіялка скромная и ландышъ разпустились;
Вотъ и нарциссъ разцвелъ!

Тамъ жавороночекъ вверхъ, вверхъ приподымаясь
Согласну пѣснь веснѣ поетъ;
Здѣсь пара ласточекъ, вкругъ дома увиваясь,
Гнездо подъ кровлей вьетъ.

Тамъ весело пастухъ въ свирѣль свою играетъ,
Гоня ревущіе стада;
И пахарь пѣсенку простую напѣваетъ,
Не чувствуя труда.

Тутъ гуси плещутся, въ прудѣ купаясь чистомъ;
Рыбакъ поѣхалъ въ челнокѣ;
Тамъ соловей, стеня на деревѣ ветвистомъ,
Чуть слышенъ въ далекѣ.

Все славитъ торжество природы обновленной.
Какъ оживляетъ все весна!
Но сколько для души, любовью упоенной,
Пріятнѣе она!

Я наслаждаюсь ей, любезная Темира!
Съ тѣхъ поръ, какъ мной владѣешъ ты.
Мнѣ кажешся, что ты и въ полной славѣ міра
Удвоишъ красоты!

Но что, я зря тебя вселенну забываю,
Какъ передъ свѣтомъ мрачну тѣнь;
И день, въ который я съ тобой, мой другъ, бываю,
Вотъ мой весенній день!

~~~~~~~~~~~~
~~~~~~~~~~~~

ПОХВАЛА ПРАЗДНОСТИ.

Служивъ мечтамъ лѣтъ юныхъ въ цвѣтѣ,
Узналъ я пустоту суетъ.
Чѣмъ болѣе живу на свѣтѣ,
Тѣмъ больше презираю свѣтъ.

На все, что здѣсь зовутъ забавой,
Я съ сожалѣніемъ гляжу,
И вашей вымышленной славой
Давнымъ давно не дорожу.

Надеждами не ослѣпляюсь,
Въ желаньяхъ время не гублю,
Любви, какъ язвы удаляюсь,
И праздность лишъ одну люблю.

Хвала людей и порицанье,
Мнѣ совершенно все равно;
Одно теперь мое желанье,
Мое стараніе одно:

Что бы подальше отъ волненья
Прокрасться въ жизни какъ нибудь,
И вѣкъ проживъ безъ угрызенья,
Безъ страха вѣчнымъ сномъ уснуть.

Заботясь, суетясь—отъ скуки
Ни кто не можетъ убѣжать;
Не лучшель, просто, сложа руки,
Спокойно безъ хлопотъ скучать.

~~~~~~~~~~
~~~~~~~~~~

ГРОЗА.

Алина! слышишъ, вихрь шумитъ!
Чу!... Глухо громъ въ дали гремитъ!
Скорѣй въ лѣсочикъ удалимся;
Тамъ отъ грозы мы защитимся.
Чу!... глухо громъ въ дали гремитъ!

Когда опасность такъ близка,
Пастушка какъ тогда жалка.
Лужокъ и лѣсъ равно опасны,

Пастухъ и громъ равно ужасны;
Пастушка какъ тогда жалка!

Но туча грозная летитъ,
Все ближе, ближе громъ гремитъ.
Чтожъ дѣлать ей, на что рѣшиться?
Все больше, больше небо тмится,
Все ближе, ближе громъ гремитъ.

Тутъ страхъ Алину побѣдилъ;
Идетъ, почти лишившись силъ.
Шагъ ступитъ, ужасомъ гонима,
Другой, любовію водима,
Идетъ, почти лишившись силъ.

У входа втала вдругъ она,
Невольной робости полна;
Но туча съ трескомъ разразилась!...
Алина въ рощу устремилась
Невольной робости полна.

Ударъ сей мимо пролетѣлъ,
Страшитесь не громовыхъ стрѣлъ!
Онѣ ни что передъ стрѣлами
Владѣющаго надъ сердцами;
Страшитесь не громовыхъ стрѣлъ!

Амуръ смотря изъ облаковъ,
Не проронилъ такихъ часовъ;
Сокрывшись тучами густыми,
Онъ слѣдуя вездѣ за ними,
Не проронилъ такихъ часовъ.

Алина вышла изъ лѣска,
Боясь взглянуть на пастушка.
Погода стихла, прояснилась,
Алина лишь въ душѣ мутилась,
Боясь взглянуть на пастушка!

СМЕРТЬ ЮНОШИ.

Мадагаскарская Пѣсня.

Ампанани.

Мой сынъ палъ въ битвѣ пораженный!
Друзья, восплачемъ мы о немъ,
И прахъ сей хладный пренесемъ
Во храмъ, умершимъ посвященный!
Мы вступимъ съ ужасомъ въ сердцахъ
Въ сію священную обитель,
Гдѣ вѣчно обитаетъ страхъ,
Гдѣ пребываетъ духъ отмститель

Носяся грозно въ облакахъ.

Почтимъ, друзья, героя прахъ!

Хоръ Мужей.

Уже надъ вражескою силой,

Онъ въ домъ съ побѣдой не придетъ.

Хоръ Женъ.

Уже къ устамъ горящимъ милой,

Онъ устъ румяныхъ не прижметъ.

Мужи.

Плодовъ манящихъ красотою,

Не будетъ болѣе вкушать.

Жены.

Не будетъ, нѣжною рукою

Упругой груди онъ ласкать.

Мужи.

Не ляжетъ онъ въ тѣни древесной

При звукѣ пѣсенъ отдохнуть.

Жены.

Не скажетъ на ухо прелестной:
„Пойдемъ — и все со мной забудь!“

Ампанани.

Друзья! прервите пѣснь унылу,
Оставте хладную могилу,
Отрите вашихъ слезъ потокъ;
Весельемъ усладите горе! —
Ахъ! можетъ быть, насъ также вскорѣ
Подобный ожидаетъ рокъ!

СОЛОМА.

На что, скажите, нѣтъ стиховъ?
Мы пѣли славу, шумъ сраженій,
Луну, ручьи и голубковъ,
И тьму чертей и привидѣній.
Тотъ славитъ прелесть красоты,
Вино пріятнѣе другому;
Не давно кто-то пѣлъ цвѣты —
Позвольте мнѣ вамъ спѣть солому.

Солома осѣняетъ кровъ,
Гдѣ земледѣлецъ обитаетъ;
И утомленный отъ трудовъ,
Онъ на соломѣ отдыхаетъ.
Склонясь главой на мягкій пухъ
Богачь, въ великолѣпномъ домѣ,
Безсонницей терзаетъ духъ —
Бѣднякъ спитъ крѣпко на соломѣ!

Солома, претворясь въ нарядъ,
Красавицъ хитрою рукою,
Нескромный отражаетъ взглядъ,
И защищаетъ ихъ отъ зною.
Пытаясь сей покровъ сорвать,
Зефиръ трудится по пустому;
А право жаль! — Какая стать
Чтобъ розы прятать подъ солому!

Я слышалъ, будто въ старину
Любовь страшилася измѣны,
И добрый мужъ, любя жену,
Не зналъ желаній перемѣны;
Теперь же, страсть вся на словахъ,
Съ любовью вѣрность не знакома,
И нѣжность въ пламенныхъ сердцахъ
Сгараетъ скоро какъ солома!

А ты, товарищъ мой, поэтъ
Неутомимый и бездарный,
Прими мой дружескій совѣтъ;
Оставь свой трудъ неблагодарный.
Напрасно вялый духъ сокрыть
Желаешъ словъ надутыхъ въ громѣ;
Ты мнишъ на лаврахъ опочить —
И ахъ! проснешся—на соломѣ!

Конецъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Элегіи.

Стр.

Безсмертіе . . . . 3.
Моимъ деревьямъ . . . . 6.
Безсонница . . . . 11.
Пустыня . . . . 15.
Переодѣтая красавица . . . . 19.
Возвращеніе на родину . . . . 22.
Элегія изъ Проперція . . . . 24.
Къ Лилѣ . . . . 28.
Н** Н** на смерть дочери . . . . 30.
Твердое намѣреніе . . . . 33.
Воспоминаніе . . . . 38.
Тринадцати-лѣтней красавицѣ . . . . 41.
Долина . . . . 43.
Уединеніе . . . . 46.
Грусть . . . . 48.
Элегія изъ Тибулла . . . . 50.
Листочикъ . . . . 57.
Прощаніе съ любовью . . . . 60.
Осень . . . . 63.

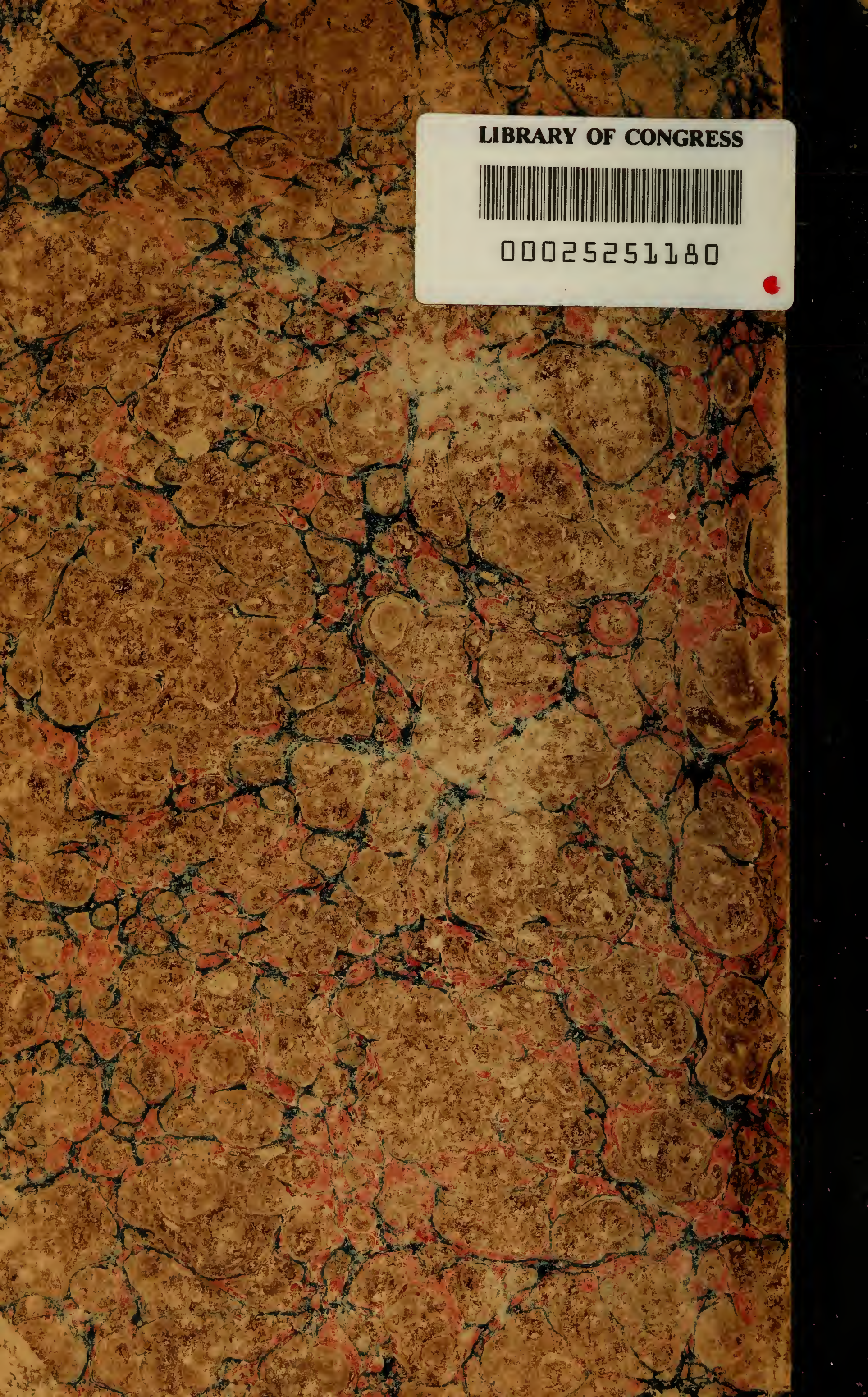
Посланія.

Оправданіе . . . . 69.
Мой Портретъ . . . . 76.

Стр.
Къ Н.*** . . . . 86.
Къ другу . . . . 89.
Къ Катѣ . . . . 103.
Отвѣтъ Н.*** . . . . 106.
Прости! . . . . 108.
Мой Удѣлъ . . . . 111.
Виноватъ . . . . 121.
Отвѣтъ Н.*** . . . . 127.
Къ Лирѣ . . . . 130.
Бывало 135

Смѣсь.

В. В. Капнисту . . . . 141.
Изображеніе битвы . . . . 146.
Мотылекъ . . . . 154.
Чудесная гостья . . . . 156.
Отрывки изъ Оссіана . . . . 159.
Къ друзьямъ . . . . 174.
Подземелье . . . . 176.
Матери, на рожденіе сына . . . . 184.
Къ Лицинію . . . . 187.
Весенній день . . . . 189.
Похвала праздности . . . . 192.
Гроза . . . . 194.
Смерть юноши . . . . 197.
Солома . . . . 200.



LIBRARY OF CONGRESS
00025251180